

Елена
АРСЕНЬЕВА

Письмо королевы

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Елена Арсеньева
Письмо королевы
Серия «Писательница
Алена Дмитриева»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=419802

Письмо королевы: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-43795-5

Аннотация

Алена Дмитриева, автор женских детективных романов, нередко попадала в ситуации, полные риска и приключений. На сей раз ей пришлось, махнув рукой на прогулки по любимому Парижу, участвовать в расследовании двойного убийства русских туристов. А кровь их пролита в ходе поисков письма французской королевы Марии-Антуанетты, казненной два века назад. Роковой листок спрятал в свое время адвокат Мальзерб, пытавшийся спасти опальную королеву от гильотины. Если письмо не будет найдено – умрут еще двое, ибо старинный документ бесценен и на нем можно заработать баснословные деньги!..

Содержание

Наши дни	4
1789 год	26
Наши дни	31
1789 год	45
Наши дни	53
1789 год	62
Наши дни	67
1789 год	78
Наши дни	83
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Елена Арсеньева

Письмо королевы

*В одежде гордого сеньора
На сцену выхода я ждал,
Но, по ошибке режиссера,
На пять столетий опоздал.*

Илья Эренбург

*При помощи совпадений Бог сохраняет
анонимность.*

Альберт Эйнштейн

Наши дни

Однажды, суровой французской зимой (точнее, парижской, а впрочем, во всех городах прекрасной Франции в ту приснопамятную зиму творилось практически одинаковое безобразие: температура держалась много ниже нуля), некая молодая (относительно) и красивая (безусловно) дама пересекала площадь Сент-Огюстен, то есть Святого Августина. Шла по бульвару Осман, а площадь делила этот бульвар на две части. Женщину звали (и до сих пор, к счастью, зовут!) Алёной Дмитриевой, так мы и станем ее именовать, а слово «женщина» по отношению к ней употреблять перестанем, ибо была она не обычной, а совершенно невероятной.

Алёна, стало быть, Дмитриева не впервые ходила этой дорогой. Нередко вечерами она отправлялась бродить по Парижу – отчасти из любви к городу, из желания видеть его снова и снова, днем и ночью, всегда, – отчасти по простой такой, житейской причине: чтобы избежать искушения поужинать. В многочисленные дорогие и дешевые парижские рестораны и кабаки, источавшие вкуснейшие запахи и приманчиво звеневшие посудой до середины ночи, ее ничуть не тянуло. Отвращением к общепиту некогда заразил ее родной совок, и никакие, даже изысканные зарубежные заведения это отвращение так и не вытравили. Встречаются такие реликты, да, встречаются! Алёна любила поесть, что да, то да, но только дома – без разницы, у себя ли, то есть в скромном русском городе Нижнем Горьком, или в Париже, блистательном Париже, как пела некогда Карамболина, Карамболетта, если кто-то понимает, о ком я говорю (оперетта нынче не в моде, к сожалению)... Короче, наша героиня, писательница Дмитриева (а она была, вообразите, писательницей, кропательницей, так сказать, детективных дамских романчиков), обожала набивать свой плоский, отлично накачанный при помощи шейпинга животик всякой калорийной прелестью именно после семи вечера, совсем хорошо – после восьми, а еще лучше – после девяти... Сыром, например, жирным, до одури вкусным «Горгонзоля» и потрясающим «Эпуазом», или авокадо, или плиткой шоколада... или двумя плитками шоколада, или финиками, или парочкой ломтиков знаменито-

го фуагра, или каким-нибудь «рулё прантом», или равиоли с креветками из китайской закусочной на углу Фобур Мон-мартр и рю де Прованс с рисовыми чипсами из той же самой закусочной... Да мало ли всякой опасной вкусноты в Париже, рассчитанной как на самый привередливый, так и на самый невзыскательный желудок? У Алёны Дмитриевой он таким и был – как привередливым, так и невзыскательным. И вот, ради спасения от переизбытка калорий (джинсы и так уж сидели в переобтяжку, особенно если для тепла поддевались колготки!) она и отправлялась погулять поздними вечерами.

Ей нравилось пройти от рю Друо, близ которой она жила у друзей, по Осману на бульвар Итальянцев, потом к Гранд-опера, перейти на бульвар Капуцинок, а оттуда – на бульвар Мадлен, по которому – к площади того же наименования, недавно во многих подробностях и с большим чувством запечатленной в одном из многочисленных романов, на которые столь горазда была наша героиня... Материал для этого романа (как и всегда, впрочем) подкинула ей сама жизнь, которая весьма щедра на приключения и интриги, когда заходила речь об Алёне Дмитриевой¹.

– Диего, слышишь меня?

– Да, я здесь.

– Как там у тебя?

---

¹ Об этой истории можно прочитать в романе Елены Арсеньевой «Эротический кошмар», издательство «ЭКСМО».

– Все тихо пока.

– Ты что делаешь?

– Я что делаю?! А, понял. Я жду автобуса. Вместе со мной его ждут еще человек десять. 16-й сегодня на час фактически сняли с маршрута. Там устроили небольшую пробку на углу Миромениль и Фобур Сент-Оноре.

– Ну, парни, вы просто спятили! Там не может быть небольшой пробки! Кому это в голову пришло?!

– Кстати, парни здесь ни при чем, это придумала Мари. И что вам не нравится, Поль? Не придратесь!

– Ладно, с Мари я разберусь... потом. Будь все время на связи. Не отключайся ни на миг.

– Само собой, а как же иначе, все в порядке, Поль.

С площади Мадлен по рю Рояль Алёна, как правило, переходила на площадь Конкорд, то есть Согласия, а оттуда путь ее лежал или вокруг темного, загадочно белевшего мраморными статуями, точно привидениями, запертого на ночь Тюильри и Лувра, по авеню Опера, или по Елисейским Полям к площади Этуаль. Очень часто, не дойдя до Триумфальной арки, она поворачивала на рю Миромениль и через нее напрямик выходила снова на Осман. Потом пять-семь минут до площади Сен-Огюстен – и снова по Осману, минуя, кстати, знаменитые «Прантом» и «Галери Лафайет», до рю Лафайет, по ней до рю де Прованс, оттуда на Друо – и вот дом, в котором Алёна останавливалась в Париже столько раз, что

он ей стал практически родным. Так же, как и обитающее в нем семейство ее русской подруги Марины, Марининого французского супруга Мориса и двух девочек их совместно-го производства: Лизы и Танечки.

Путь был найден, причем настолько, что Алёна могла его пройти, что называется, с закрытыми глазами. Хотя какой смысл закрывать глаза в Париже, где каждый дом – произведение искусства, где иногда просто отчаяние берет от того, сколько вокруг красоты. Архитектурного безобразия практически не сыщешь – в центре, разумеется, окраинные железобетонные районы в счет не идут, они везде и всюду одинаково уродливы. Есть, правда, в самом центре Парижа центр Помпиду... Но ладно, не будем о грустном! Париж прекрасен даже с центром Помпиду!

Так вот, минувшим вечером Алёне не удалось совершить обычный променад. Морис был в командировке в Брюсселе, а Марина решила воспользоваться редким случаем супружеской свободы и допоздна загостилась у какой-то своей подруги, так что писательница Дмитриева осталась «на хозяйстве». Пришлось готовить детям ужин. Жареная рыба с картофельным пюре оказалась настолько вкусна, что нянька не удержалась и составила оживленную компанию подопечным. Вообще, лучше Алёны Дмитриевой картофельное пюре никто не делает, это так, к сведению. Вроде бы дело нехитрое, а вот ведь...

Оценив адекватно свой труд и воздав ему должное,

она улеглась спать с отягощенным пузиком, отчего утром проснулась собою очень недовольная. Выйдя из комнаты, встретила Марину, которая тоже пожаловалась на переедание и сообщила, что пойдет на работу пешком. Алёна обрадовалась и решила отправиться с нею. От дома на рю Друо до Марининового офиса по Осману пешком минут сорок быстрой, спортивной такой ходьбой. Что может быть лучше для начала дня?! В Париже не устроишь себе такого кайфа, как многокилометровые пробежки ранним утром по полям, горам и лесам, это в Мулян, господа, в любимый Мулян, неоднократно бывший ареной невероятных приключений Алёны Дмитриевой и неоднократно же ею воспетый²...

В четыре руки юные девицы Лизочка и Танечка были мигом одеты, умыты, накормлены завтраком, высажены в туалеты (благо в огромной квартирище таковых имелось два), а потом спроважены: одна во второй класс начальной школы, эколь примэр, а вторая – в детсад, который тут тоже называется школой – эколь матернелъ, но в подробности французского образования мы вдаваться не будем. Итак, в половине девятого наши подруги были уже свободны и, болтая, отправились по Осману до Марининового офиса мимо Галери Лафайет, с которой, к сожалению, уже сняли сногшибатель-

---

² См., например, романы Елены Арсеньевой «Поцелуй с дальним прицелом», «Ведьма из яблоневого сада», а также «Париж. ги», «Повелитель разбитых сердец» и др.

ное рождественское убранство. Они перешли площадь Сен-Огюстен, миновали и Миромениль, и рю Гренель, на которой, к слову сказать, некогда находилось первое посольство Советского Союза во Франции и по которой можно дойти до знаменитой рю Дарю, где стоит не менее знаменитый русский православный храм Александра Невского, и наконец-то достигли мощного такого серого здания, в дверях которого и скрылась Марина, на прощанье расцеловавшись с Алёной. А писательница Дмитриева, ощущая приятную легкость во всем теле (прогулка пошла на пользу!!!), отправилась обратно, обдумывая, что приготовить на обед привередливым девчонкам. Штука в том, что в 11.20 ей предстояло забрать из эколь матернелъ Танечку, а в 11.30 Лизочку (их нянюшка Ирина приболела, так что хозяйственные обязанности Алёны продолжались), накормить их обедом и в 13.20 и 13.30 развести по эколям, причем в обратном порядке – сначала Лизочку, потом Танечку. Затем у няньки наступал заслуженный отдых до 16.20 и 16.30, когда детей предстояло забрать, выгулять, накормить ужином, помыть, а уж укладывать и читать на ночь предстояло Марине, которая возвращалась с работы около восьми вечера.

Свистопляска еще та, между прочим! Однако Алёну эта внезапная семейная суeta ничуть не отягощала, потому что она любила эту семью и считала ее практически своей. Проблемы состояли только в плохом аппетите девчонок, особенно Лизочки, и Алёна сейчас напряженно продумывала обе-

денное меню. При этом она постукивала зубами, потому что минус восемь – это все же низкая температура, а уж для Парижа тем паче. Здесь вообще делается как-то клинически холодно, и Алёна еще ни разу не пожалела, что поехала в город своей мечты не в легкой демисезонной куртяшке, а в каракулевой, вполне зимней шубке с капюшоном. Ругала она себя лишь за то, что отправилась в осенних сапогах, а не в зимних, и не взяла варежки потеплей: в перчатках дико мерзли пальцы.

Парижане переносили маразматическую зиму стоически, по мере сил своих пытаясь приспособиться к внезапно наставшему ледниковому периоду. Нонсенс для Парижа: все в шапках! Тут и там мелькали не только всяческие вязаные шапки, но даже и ушанки, как стилизованные, из синтетики, так и настоящие, меховые. Однажды Алёне даже попался на глаза изысканный господин в солдатской серой ушанке с красной звездочкой образца Великой Отечественной войны! Наверняка она была куплена где-нибудь на Старом Арбате как сувенир, а вот пригодилась же!

Парижанки прятали головы в самые разнообразные шапки, шапочки и шапчонки, а вот платков Алёна не видела. Наверное, здесь их считали слишком уж *восточным* головным убором.

Размышляя о том, что не худо было бы ввести в Париже моду на оренбургские или павловские платки (и тепло, и красиво, и оригинально, наша героиня шали просто обожала!),

Алёна снова пересекла площадь Сент-Огюстен, свернула направо, прошла метров сто по бульвару... и тут ангел-хранитель возмущенно дернул ее за кудряшки, вылетевшие из-под капюшона, и заставил повернуть голову к табличке на углу дома, мимо которого она дефилировала. «Бульвар Мальзерб», – прочла Алёна на этой табличке, и первым делом, интеллектуалка несчастная, вспомнила до утомительности смешной рассказ Ги де Мопассана «Булавки», в котором фигурирует название этого бульвара, потом роман Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» (контора Роллинга располагалась именно на бульваре Мальзерб!), припомнила также, что на этом бульваре в разное время жили Коко Шанель (едва прибыв в Париж) и Сара Бернар (ее спальня была украшена скелетами!), также отдала дань памяти казненному во время Французской революции ученому, в честь коего бульвар был поименован, – и только теперь сообразила, что свернула не туда. Не по той улице идет. В смысле, не по тому бульвару. Ей нужен Осман, а это, как уже не раз было сказано, Мальзерб.

– Диего, ответь.

– Отвечаю.

– Ты на месте?

– Я-то на месте, но Жозеля еще нет.

– Нет?.. Так... А я думал, он все же... Так. У Жозеля, похоже, проблемы.

– Что такое? Что-то срывается?

– Пока не знаю. Он молчит, не отвечает ни мне, ни Кристофу. Жди. Не отвлекайся. Если он появится, немедленно сообщи.

– Само собой, конечно.

Здесь следует сделать одно замечание об особенностях нашей героини. Не то чтобы она страдала топографическим кретинизмом, скорее нет, чем да, в лесу, например, ориентировалась интуитивно-безошибочно, а вот в городах порой... терялась. В буквальном и переносном смысле этого слова. Она неплохо знала Париж, и все же иногда из памяти вылетали некие местные реалии. Вот, например, сейчас она не могла вспомнить, с какой стороны от Мальзерба находится Осман. Возвращаться на площадь и обходить ее не хотелось, Алёна решила сократить путь и пройти улицами, но в какую сторону двигаться, налево или направо?

И она решила поступить так, как всякий заблудившийся путник, у которого нет карты местности (или путеводителя): спросить дорогу у туземца.

Как назло, бульвар в обозримом пространстве был пуст... только у дверей какого-то отеля маячила фигура высокого осанистого мужчины в черной куртке с блестящими пуговицами.

«Ага, – решила Алёна Дмитриева, – швейцар уж наверняка знает, с какой стороны Осман!»

Недолго думая, она двинула к гостинице, которая носила название «Bon chance», то есть удача.

Судьба иной раз шутит совершенно по-дурацки. Шанс-то, может, и добрый, но... в это время на небесах происходило неведомо что, очень возможно, срочная летучка ангелов-хранителей, или какой-нибудь междусобойчик по случаю профессионального праздника. Что бы ни было, Алёнин персональный ангел отвернулся и прозевал тот момент, когда его подопечная подошла к швейцару. А вот интересно, на небесах за халатность карают или списывают все чохом на «mal chance», то есть на неудачу?..

– Извините, скажите, пожалуйста, – начала было Алёна, однако немедля спохватилась, что изъясняется на языке родных осин, и поправилась: – Экскюзе муа, мсьё...

– Да лучше по-русски, – махнул рукой мсьё. – Что вы ищите?

– Ой, ну надо же! – обрадовалась Алёна.

Она почему-то всегда по-детски радовалась, когда встречала в Париже русских. Вот именно – почему?! Не такая уж это редкость, скорее, наоборот, тем паче что далеко не все русские проявляли аналогичный восторг при встрече с нашей героиней. Вот швейцару она явно не понравилась: мельком глянув на Алёну, он озирался по сторонам и вид имел крайне настороженный. С другой стороны, такая их швейцарочья служба: быть постоянно настороже.

– Скажите, с какой стороны бульвар Осман? – спросила

Алёна с виноватым видом. — Там или там? — И она помахала руками налево и направо.

Швейцар, казалось, даже растерялся от такой глупости. Глаза его заметались — за плечо Алёны, в сторону, снова за ее плечо, к ней... потом он вспомнил, видимо, что надо быть снисходительным к слабостям ближнего своего, тем более что это — не ближний, а ближняя, да еще очень даже симпатичная, — и отрывисто бросил:

— Направо. Вон туда!

И так резко махнул рукой в указанном направлении, что чуть не заехал Алёне в нос. Она едва успела отпрянуть.

Впрочем, наша героиня не обиделась, напротив, она была очень благодарна за конкретику. Дело в том, что она с детства туговато ориентировалась в правой и левой сторонах. Ну вот бывает такое... даже и с умными людьми, а Алёна Дмитриева вполне может к ним быть причислена. Может быть, она и не знала, что такое эквалайзер, и до сих пор не могла уразуметь, шутки шутил Александр Блок или всерьез писал об интеграле, который дышит в каких-то там стальных машинах, — но в некоторых житейских, весьма запутанных ситуациях разбиралась весьма не худо. Если только не нужно было отличать правую сторону от левой! Впрочем, Алёна все же усвоила: левая сторона та, которая соответствует руке, на запястье коей часы; рука противоположная, с колечком и браслетом, — правая. Но ведь нужно время, чтобы сообразить, где что находится! Поэтому Алёна только радова-

лась, когда кто-то брал на себя труд указывать направление. И, одарив швейцара ослепительной улыбкой и сиянием своих прекрасных – нет, ну правда, это многие могут подтвердить! – глаз, она сказала «спасибо» – и резво двинулась... навстречу своей участи.

Ангел же хранитель, вернувшийся в это время с летучки или междусобойчика, ринулся вслед, пытаясь ее остановить... но поздно, поздно... и ему теперь ничего не оставалось, как безвольно наблюдать за неостановимым развитием событий и ломать руки, вернее, крылья, поскольку его подопечная шла напрямик к закату дней своих – и произошло это исключительно по его недосмотру!

Ангел чувствовал себя отвратительно. Ощущение беспомощности и для людей-то тяжело, а для существ, практически всемогущих, просто невыносимо. Утратить власть над событиями, лишиться возможности взять их в свои руки, вернее, крылья, пальчиком, вернее, перышком не шевельнуть, тупо ждать, когда снова выпадет шанс вернуть власть над вверенной судьбой, а ведь он может и НЕ выпасть...

Ужас. Нет, честно, ужас! Ангелу-хранителю Алёны Дмитриевой можно было только посочувствовать. А уж ей-то, бедняжке...

– Да вон он, я его вижу. Торчит на автобусной остановке. В своих дурацких синих наушниках.

– Можешь его снять?

– Обалдел, что ли? Стрелять я не буду, там многолюдно. Наверное, давно автобуса не было.

– Ты что, только стрелять умеешь? Подойди поближе и... Сам говоришь, народу много, на тебя никто внимания не обратит.

– А может, не надо? Мы ведь уже сделали, что хотели. Зачем их дразнить?

– Именно этого мне и хочется! Одну потерю они могут расценить как случайность. А вот если практически одновременно мы и этого снимем, тут сразу станет ясно: мы идем на две головы впереди, мы их обставляем играючи, нас не обойти. Иди и делай.

– Ну ладно, только я не хочу в толпе, я что-нибудь другое придумую.

– Будь проще, ну что тут еще думать?! А впрочем, как хочешь, только непусти его.

Алёна прошла один квартал по узкой улице Рокепин, однако оказалась не на просторном бульваре Осман, а на еще более узкой рю Д'Астор. «Наверное, бульвар впереди», – подумала Алёна и миновала еще один квартал, после чего оказалась на улице Камбасере и даже прошла квартал, после чего оказалась на крохотной площади, которая, судя по табличке на одном из домов, называлась Соссе. Никаких признаков Османа по-прежнему не наблюдалось. Но этого просто не может быть! Он где-то здесь! Швейцар же не мог пе-

репутать!

А может, лучше снова кого-нибудь спросить?

Навстречу шла дама в бежевой норковой шубке, высоких сапогах, но без головного убора. У нее был красный нос, которым она беспрестанно пошмыгивала. Конечно, замерзла она до крайности. Сразу видно. Ну и чего форсить – без шапки-то?!

– Извините, – робко обратилась Алёна к даме, – в какой стороне бульвар Осман?

Момент для обращения оказался выбран крайне неудачно. Именно в эту минуту дама решила больше не мерзнуть, сунула руку в сумку и вынула оттуда вязаную шапку. Алёна немедленно уставилась на диковинный предмет, потому что более нелепой расцветки в жизни не видела: ну натурально серо-буро-малиновая. И это предполагается надеть в сочетании с бежевой норкой? А как насчет хваленого вкуса парижанок?!

Перехватив взгляд Алёны, дама покраснела, сунула головной убор в сумку, отчаянно шмыгнула носом и кинулась через дорогу, махнув рукой в каком-то неопределенном направлении.

Черт, неловко вышло!

Пробормотав вслед извинение, Алёна огляделась. Она стояла неподалеку от автобусной остановки, на которой толпились люди. Зрелище это для французской столицы, где автобусы ходят как часы, а впрочем, даже еще лучше, настоль-

ко необычно, что Алёна сначала глазам не поверила и подумала: не заблудилась ли она настолько, что вообще в другом городе оказалась? В самом ли деле она находится в Париже?!

– Да, – прозвучал в это время мужской голос, и Алёна с ошарашенным выражением – неужели кто-то читает ее мысли?! – повернулась.

Но тут же поняла, что ошиблась: никому ее мысли совершенно не понадобились, просто рядом стоял молодой человек, который разговаривал по мобильному телефону. Хотя создавалось впечатление, будто он беседует сам с собой, потому что трубки в руках у него не было, а наушник был скрыт обворожительными пушистыми штучками цвета электрик, призванными защищать уши от лютого мороза.

Что-то нынче советский граф Алексей Николаевич Толстой часто вспоминается! На сей раз на ум Алёне пришел не «Гиперболоид инженера Гарина», а повесть «Аэлита». В том смысле, что вид у мужчины в синих наушниках был совершенно марсианский. А впрочем... может, только в извращенном воображении нашей писательницы. На самом же деле это был весьма привлекательный и вполне земной человек лет тридцати пяти, с четкими, правильными чертами смугло-бледного лица, очень стройный, в элегантном, хоть и не по погоде легком пальтеце и узехоньких джинсах, заправленных в забавные ботинки на толстой подошве. Шея его была обмотана бежевым шарфом в белую, черную и красную клетку. Это фирменный дизайн шарфов из весьма элитно-

го магазина «Burberry». Стоят там такие кашемировые изделия около пятидесяти евро. Впрочем, большая часть парижан и туристов, прельщенная барберийскими красотками, решает вопрос их приобретения проще и радикальней, покупая нечто подобное, хотя и отнюдь не кашемировое, на лотках уличных торговцев сувенирами, каковые в Париже натканы на каждом углу, иногда по несколько штук. Алёне было совершенно все равно, за сколько «синие ушки» купил свой шарф, уж очень приятный был парень. Черные жесткие волосы его были острижены довольно коротко и торчали смешным таким ежиком. Невероятный симпатяга! Даже то, что точеный нос сильно покраснел от мороза, его не портило!

– Жоэль так и не пришел, – проговорил в это время симпатяга, и Алёна спохватилась, что неприлично так пялиться на незнакомого человека.

– Почему? – спросил парень, и Алёна подумала: а в самом деле, что тут уж такого неприличного? Почему бы не посмотреть на такого славного молодого человека? Почему бы даже не спросить у него дорогу? Тем паче он разговор заканчивает.

– Хорошо, все, – проговорил симпатяга, очевидно, завершая разговор, и двинулся к обочине тротуара.

– Извините, мсьё, вы не скажете... – воскликнула Алёна и тут же прикусила язык, потому что, кажется, опять влезла со своим вопросом не вовремя: юноша взмахнул рукой, подзывая проезжавшее мимо такси, и машина уже подрулила к

тротуару.

Да что ж за невезуха такая! Ну что ж это все норовят сего-дня покинуть в беде русскую писательницу, заблудившуюся в Париже?!

Однако парень, уже взявшийся за ручку дверцы, вдруг по-вернулся к Алёне и спросил:

– Да, мадам, извините, мадемуазель?

Само собой, наша героиня, красотка из красоток, весьма гордившаяся своей невероятно задержавшейся молодостью, немедленно расплылась в обворожительной улыбке. В самом деле, улыбка у нее чудесная, и мало кто мог удержаться, что-бы не улыбнуться в ответ. Вот и этот, с синими ушками, не удержался.

Такси и спешка были позабыты. Теперь его мысли, как и у множества других несчастных, путь которым перешла прелестная русская писательница, были всецело поглощены только ею.

– Не могли бы вы подсказать, где находится бульвар Осман? – произнесла Алёна сакраментальную фразу.

Молодой человек посмотрел с нескрываемым любопыт-ством и усмехнулся:

– О, это очень далеко! Минутах в десяти ходьбы.

Ну да, Алёна так и думала!

– Туда? – спросила она, махнув рукой вправо.

– Нет, туда, – молодой человек махнул рукой влево. – Ко-роче всего получится, если вы пройдете сейчас по рю де ла

Вилль, потом повернете на рю д'Анжу – и по ней, никуда не сворачивая, выйдете прямо на Осман в одном квартале от площади Сент-Огюстен.

Алёна тупо смотрела на него. Получается, она все это время шла в совершенно противоположном направлении? Получается, швейцар указал ей неправильный путь? Русский швейцар – русской заблудившейся туристке?! Ну и ну! Это до какой степени ненависти к своим соотечественникам нужно дойти? Впрочем, бытует же известная старинная поговорка: «Кто тебе выколол око? – Брат. – То-то так глубоко!» Извращенец какой-то, честное слово, этот швейцар.

– Вы поняли? – спросил молодой человек. – Не заблудитесь? А то, может быть...

Он не договорил. В глазах его на миг появилось отсутствующее выражение, как будто он к чему-то прислушивался. Например, к своему внутреннему голосу. Ну правильно, при встрече с такой красивой женщиной к внутреннему голосу прислушаться – первое дело! Иначе запросто голову потеряешь.

Алёна готова была спорить, что он собирался предложить проводить ее или даже подвезти на такси, которое все еще терпеливо стояло рядом. Но внутренний голос оказался более громким, чем голос мужского сердца. И фраза осталась неоконченной.

– Я все поняла, спасибо, – сказала она, благодарно улыбаясь. Молодой человек рассеянно улыбнулся в ответ – и

вдруг опрометью кинулся к красивому дому, стоящему рядом с остановкой. Мигом нажал какие-то кнопки на кодовом замке – и скрылся за дверью подъезда.

Мать честная... Неужели бедный симпатяга так испугался искушения?! Может быть, он, Господи помилуй, какой-нибудь современный траппист, доминиканец, капуцин, августинец, сиречь монах? И решил избежать духовной катастрофы более радикальным способом, чем делал это некогда святой Антоний, как известно, сим искушениям поддававшийся?

– Вы не едете, мсье? – крикнул таксист, не веря, что клиент сорвался с крючка.

– Пожалуй, все-таки не едет, – констатировала Алёна, повернувшись к машине.

Шофер ошарашенно смотрел черными глазами из-под нависших век, и, хоть потере клиента можно было только посочувствовать, Алёна с трудом удержалась, чтобы не прыснуть. Нет, вовсе не потому, что она обладала извращенным чувством юмора и любила смеяться над несчастьями ближних своих! Просто литературные ассоциации донимали ее сегодня и, кажется, не собирались униматься. Например, сейчас она вспомнила старое-престарое, еще шестидесятых годов, огоньковское издание собрания сочинений Конан-Дойля с иллюстрациями бог знает кого к «Этюду в багровых тонах». Главный герой – благородный мститель – был там изображен в виде жуткого пропойцы с набрякшим, пренеприятнейшим,

раскрасневшимся лицом, которое было наполовину скрыто каким-то нелепым красным шарфом. Точно таким же набрякшим, раскрасневшимся, утонувшим в красном шарфе было лицо таксиста. Возможно, у него тоже была аневризма аорты, как у Джефферсона Хоупа, а может, просто бургундского или бордо регулярно перебирал.

– L'espagnol maudit! – пробормотал в это время таксист и дал газ с такой яростью, что его серый «Мерседес» даже чуточку подпрыгнул, прежде чем тронуться с места.

Батюшки, какая экспрессия! «Проклятый испанец!» Как будто в первый раз в жизни таксиста клиент внезапно изменил свои планы. А откуда он знал, что молодой человек в синих ушках – испанец? С точки зрения Алёны, типичный француз. Впрочем, много ли она видела испанцев? Аргентинские маэстрос танго (Алёна была истинной фанаткой аргентинского танго) все же не вполне испанцы. Так что таксисту видней. Хотя все равно не с чего в такой гнев впадать.

Впрочем, если бы наша героиня могла слышать весь телефонный разговор «симпатяги», а не только несколько реплик, она бы и сама удивилась, ибо разговор был таким:

– *Диего.*

– *Да.*

– *Все, операция сворачивается. Уходи оттуда.*

– *Но Жозель так и не пришел!*

– *Жозель не придет.*

– Почему?

– Обстоятельства изменились. Убирайся оттуда. Возьми первое попавшееся такси и уезжай.

...

– Диего, стой! Ни в какую машину не садись, возможен ловушка. Видели одного из них на сером «Мерседесе», замаскированном под такси. Красномордый, в красном шарфе. Уходи запасным путем, код подъезда 6790, как зайдешь, дверь сразу заблокируют на случай погони. Быстро! Беги оттуда!

Вот такие, как принято выражаться, пироги... Но Алёна ничего не слышала, а потому ситуация показалась ей немножко странной, но лишь самую чуточку.

1789 год

– Петруша... Да Петрушечка! Ты уже спишь, никак?!

– Н-неаааа...

– Фу ты, увалень! В точности кот-котофей – наелся, отвалился и немедля храпит!

– Н-не, лапушка, я не храплю, вот те крест святой, истинныыыы...

– Петька! Не спи! Ну чем Господа я прогневила, ну чем, что меня, такую молодешенькую, да сладкую, да пышную, отдал ты этому сухоребруму, бездушному, этому...

– Лапушка, Агафьюшка, родимая, не плачь, ну что ты, право... Ну устал я, ну до смерти притомился, прости, Христа ради. Все, больше не сомкну глаза всю ночь. Так и буду лежать, гляделки распялив, да в потолок таращиться.

– Дурень ты, Петька! Всему учить надо! Зачем же в потолок?! Ты на меня таращись!

– Так темно же, Агафьюшка. Я ничего не вижу. Нешто лампадку снова засветить?

– Ну уж нет!!! Мы почему лампадку загасили? Чтобы образа святых-непорочных не видали, как мы тут в пуховиках кувыркаемся. А засветишь, значит, все, нынче ничего уже не будет, знаю я тебя...

– А... а ты еще хочешь, Агафьюшка? Но ведь уже дважды...

– Да хоть бы и трижды! Хоть бы и трижды дважды! Еще хочу! Моя плоть требует! Не смей лампадку возжигать! Коли не видишь меня, то давай это... ощупью. Во-во, ощупью давай. Ой, поиграем, Петруша? Значит, ты слепец, брел по лесной дороге, да споткнулся обо что-то и упал. Бревно, думает? Или животное дохлая? Начал ощупывать... вроде человек. А ты ведь слепой, бабу никогда не видал, ну и не поймешь ничего: человек-то он как человек, а волосья у него длинные, да и на груди какие-то мягкие шишачки выросли, а промеж ног ничего не болтается, а наоборот, дырка какая-то углубляется, и чем же в ту дырку попасть?... Ну давай, щупай, кому говорено!

– Да я щупаю, Агафьюшка, но ты и так у меня вся давно общупанная! Мы уж повенчаны аж два месяца, небось я тебя наизусть знаю, пышечка моя горячая, знаю и люблю, а пуще всего волосы твои люблю черно-рыжие... Что за волосы такие у тебя, Агашка, ну почему они наполовину рыжие, а наполовину черные, да вдобавок один сверху черный, а второй, наоборот, сверху рыжий, и так все чередуются, ничего не поймешь!

– Ну почему, почему... Уж такая я уродилась. Маманя перед смертью открыла, что не от отца меня родила, а от любовника, верней сказать, от двух любовников враз. Она с ними двумя ночку провела, один рыжий был, как огонь, другой черный, как уголь, а от кого зачала, неведомо, может, будто кошка, от обоих враз!

– Врешь ты все, Агашка, зачем на матушку-покойницу наговариваешь? Я же помню ее, она была такая тихая, болезненная...

– Ну, болезненная она стала потому, что заболела, а покуда здоровая ходила, на нее никакого утомону не было. Я еще дитятею была, а помню, батюшка из лавки воротится, а матери след простыл, я одна дома сижу да реву. Ринется искать верную жену, да и найдет – то ли у одного соседа, то ли у другого, то ли в солдатской казарме, где ее все по очереди дерут почем зря. И все мужики только руками разводят: да чем же мы-де виновны, Тимофей?! Сама пришла да и ну юбками трясти, ноги раздвигать... а мужика долго ли во грех ввести?! Хотя... это еще поглядеть надо, какого мужика. Тебя вот нипочем не введешь! Ковырнул палкой разок-другой – и храпаковского!

– Прости, родимая, прости, ненаглядная, но до чего ж я нынче устал, кабы ты знала! С ног валюсь, рука не поднимается, не сказать про что иное.

– Устал! Да вы на него только поглядите! Можно подумать, ты на государевой службе дрова грузишь, а не бумажки с места на место перекладываешь.

– А-ха-ха! Уж а-ха-ха!

– Ну чего ты, чего закатился? Вот хохочет, того и гляди с кровати свалится!

– Ах, милая ты моя Агафьюшка, до чего ж ты у меня умница, как же это ты верно сказала, как правильно! С места

на место бумажки... а-ха-ха! Вот-вот, этим я на хлеб и зарабатываю, что бумажки с места на место, из одной сумки в другую пересовываю, так ведь, желанушка ты моя, покуда одну переложить, семь потов, бывает, сойдет!

– Да они, бумажки ваши, что, из железа отлитые?

– Из железа?.. Да нет, они потяжелее будут. Потяжелее и подороже. Они из серебра и золота отлиты – ими болтливость человеческая оплачена, либо от простоты идущая, либо от черного предательства.

– Ну, Петруша, коли ты злато-серебро на дню не раз перекладываешь с места на место, неужто к рукам невзначай хоть крупиночка пристать не может? Разжились бы наконец, а то ты, словно лях: сверху шелк, а в брюхе щелк, да и шелк-то казенный, мундирный, суконишко неказовое, с гнильцой. Ну ладно, ты хоть при мундире, при сапогах, при шпаге. А я у тебя так и вовсе в обносках... ничего нового ты мне не справил, все из приданого своего донашиваю... об том ли я мечтала при красоте моей, когда за тебя шла?

– Агафьюшка, ты что ж... сожалеешь, что за меня вышла? Печалишься об сем?!

– Петруша мой родненький, ну ты сам посуди, а как мне не сожалеть, как не печалиться? Ни своего дома – на квартире стоим казенной. Ни одежды приличной, салопчик мой уж и не греет, мех весь вытерся, а башмаки не хочу шитые, хочу от лавочника французского! Не ходим никуда с тобой – все жены с мужьями, бывает, на гулянки хаживают, на вечорки,

поплясать или в картишки перекинуться, а ты возвращаешься порой за полночь да сразу и в постель... и силушки у тебя нет с женой поиграть! Это ж самое обидное! Думала, иду за богатого да горячего, а вышло, что за скудного да скучного.

– Но мы же повенчаны, Агафьюшка... как же теперь-то?

– Про то и разговор, что податься некуда. Хоть сударика заводи!

– Агашка! Прибью! Придушу, зарежу, порешу на месте, коли осмелишься!

– Так не попусти, Петрушка! Не попусти меня! Держи меня, не выпускай, с утра до ночи, с ночи до утра блюди!

– Агашка, ну как же я тебя с утра до ночи буду держать? Я же курьер секретной службы ея величества Екатерины Алексеевны, я ж в себе не волен... Ты уж давай с утра до ночи как-нибудь сама, а с ночи до утра я стараться буду.

– Будешь стараться, говоришь? Ну так старайся! Начинай сей момент!

– Да уж начал, неужто не чуешь?..

– Ой, чую, Петрушечка, ой, чую, да сладко-то ка-а-ак...

Наши дни

Ну ладно, испанец в синих ушках сбежал, нервный таксист «в багровых тонах» уехал, пора и Алёне идти... куда это ее направили? Налево, это она помнила, но какую улицу называли? Черт, а ведь и не вспомнить! Вроде туда показывал любезный беглец?

Алёна обогнула площадь, посмотрела на табличку на углу – рю де ла Виль, все правильно, а потом вроде должна быть рю д'Анжу. Рю эти были очень коротенькими, Алёна прошла их быстро – и буквально через пять минут перед ней оказался просторный бульвар. Вот он, Осман! Ну, до него оказалось гораздо ближе, чем предрекал испанец, вот здорово!

Однако наша героиня радовалась недолго. Может быть, полминуты, не более. До того мгновения, как взгляд упал на табличку на углу дома: «Бульвар Мальзерб».

– Он смылся! Он удрал! Из рук ушел! Уже садился в мою машину, но какая-то баба ринулась к нему спрашивать дорогу на Осман, он начал объяснять, а потом вдруг сорвался с места и удрал через ближайший подъезд. Наверное, это был давно заготовленный путь для отступления, потому что он знал код.

– Какая-то баба? А может быть, не просто «какая-то»? Мы тут перехватили обрывок разговора – Диего

сообщали, что одного из наших видели в машине, замаскированной под такси. Потом мы потеряли сигнал, может, и у них связь прервалась? Может, ее послали, чтобы Диего предупредила?

– Проклятый испанец! Проклятая иностранка!

– Иностранка?

– Ну да, она с акцентом говорила.

– С каким?

– Похоже... кажется, примерно так же говорит наша русская парочка... Да, наверняка – это был русский акцент!

– Русский? Ну точно! Так вот в чем дело! Я так и чувствовал, что мы поторопились, когда вынесли приговор Виктору и его девке! Там был кто-то третий, вернее, он-то и был первый. Виктор не зря клялся, что они действовали вслепую, только по приказу, а кто приказывал? Очень может быть, что она! Ты ее запомнил? Можешь за ней последить?

– Да я уехал сразу, как Диего сорвался! Я теперь уже почти у Триумфальной арки.

– Какого черта ты гнал? Почему сразу не доложил?

– Да я практически сразу...

– Практически! Как она выглядела? Помнишь?

– Да какая-то... никакая. У нее такой глубокий капюшон, что лица не видно.

– Капюшон чего? Пальто? Куртки?

– Так, погоди... серая короткая шубка с капюшоном, чер-

ные брюки заправлены в сапоги, сапоги черные, брюки очень сильно в обтяжку, крепенько так все обтягивают, приятно посмотреть...

– Придурок безглазый! Куда ты смотрел? Упустил двоих, а бормочешь про неизвестно что! Волосы у нее какие, лицо?

– Волосы какие, я не разглядел... ага, у нее серые глаза, вот что. А, вспомнил! Кудрявые волосы, я видел, они выбились из-под капюшона. Она шатенка.

– Старая, молодая?

– Ни то ни се. За тридцать, точно. Высокая, не толстуха, если по ногам судить.

– Говоришь, спрашивала дорогу? Куда?

– На Осман вроде. Точно, на Осман. И он ей сказал идти по де ла Вилль и по Д'Анжу...

– Все, поворачивай туда, быстро! Почти сто процентов – там у них точка встречи. Увидишь кого-то из них, Диего или ее, будет возможность – стреляй без разговоров.

– Слушай, а может, она и правда всего-навсего дорогу спрашивала? Может, она ни при чем?

– Мы сегодня уже убрали двоих, которые были ни при чем. Одним больше, одним меньше – думаю, не принципиально. Давай поезжай и не трать время на болтовню.

Опять Мальзерб?! Да они что, все сговорились сегодня – неправильную дорогу указывать Алёне Дмитриевой? И русский швейцар, и этот воистину l'espagnol maudit?! Свинство

какое! Издеваются над несчастной заблудившейся женщиной?!

Ну и куда теперь идти, налево или направо? Где искать Осман? Напасть какая-то! Главное, весь Париж утыкан стенами с картами прилегающих районов, а тут, конечно, ничего не видно. Опять спрашивать? Нет уж, спасибо!

Алёна повернулась к неуютному ей Мальзербу спиной и понеслась назад по рю д'Анжу, пытаясь разобраться. Ничего не получалось до тех пор, пока она с налету не вылетела на Фобур Сент-Оноре.

И тут ярость ее мгновенно улеглась. Ведь Фобур, чтоб вы знали, Fraubourg, – это по-французски «предмесье». Привет, мсьё Дюма-отец! Именно в этом, мягко выражаясь, предмесье (так, на минуточку, теперь это самый центр Парижа) обитал злокозненный Вильфор из романа «Граф Монте-Кристо», а через два квартала находилась собственно улица Сент-Оноре, по которой периодически прогуливались три мушкетера вместе с Д'Артаньяном. Теперь она знала дорогу, потому что на стыке этих двух Сент-Оноре пролегла рю Ройяль, с одной стороны которой находилась площадь Конкорд, то есть Согласия, а с другой – площадь Мадлен, которую писательница Алёна Дмитриева обожала как одну из героинь своих романов³.

---

³ Об этом можно прочесть в романе Елены Арсеньевой «Мужчины Мадлен», издательство «ЭКСМО».

И уже через минуту Алёна увидела здание необычайной красоты – церковь Мадлен. Полюбовавшись прекрасными колоннами, она обежала ее со стороны цветочных павильонов (на этом месте исстари стояли fleuristes, то есть цветочницы, со своими тележками и лотками, переполненными разноцветным благоухающим товаром) и выбежала на бульвар Мадлен, испытывая чудесное ощущение человека, вставшего наконец на правильный путь. На душе сразу стало легко. Теперь напрямик по бульвару Мадлен до рю Комартан, которая ведет на Осман, нет, лучше – до улицы Скриб, любимого драматурга, по ней – мимо Гранд-опера к «Галери Лафайет». Там Алёна уже практически дома. И ни у кого дорогу не надо спрашивать! Нет, все, никаких больше расспросов! А то, понимаешь, любезные французы напосылают ее невесть куда!

И тут Алёна наконец-то узрела сбоку высокий щит с картой прилегающего района и остановилась возле. Нашла маленькую площадь Соссе, на которой видела «проклятого испанца» в синих ушках, обнаружила также рю де ла Виль, потом рю Д'Анжу... и даже покраснела от осознания собственной дурости. Ну да, эта самая Д'Анжу вела на Мальзерб, но потом-то пересекалась с Османом! И если бы Алёна не взвилась на дыбы, как норовистая лошадка, и не бросилась вскачь куда глаза глядят, она уже давно была бы на Османе... в одном квартале от Сент-Огюстен, как и обещал симпатяга в синих ушках. Итак, он все же был симпатяга, а

Алёна Дмитриева – просто балда с явными признаками топографического кретинизма.

Ну и ладно, что же теперь, стреляться, что ли? Не надо, тем паче, что и огнестрельного оружия нету. Придется смириться с тем, что обнаружила у себя очередной недостаток. Как-то сжиться с этим. Алёна Дмитриева не сомневалась, что это ей удастся. В конце концов, с остальными – с немалым, надо сказать, их количеством – она ведь сжилась и даже полюбила их. Надо для начала просто выкинуть этот случай из головы. Забыть о том, как повернула на Сент-Огюстен не туда, как швейцар направил ее не в ту сторону... а все же, зачем он это сделал?! Вот пойти бы туда снова и спросить...

Да ну, пусть живет.

Алёна шла по бульвару, глаза по сторонам. Многочисленные парижские витрины уже давно не приковывали ее внимания, утомила ее их красота и разнообразие, ну вот разве что встретится нечто из ряда вон... ну там ботфорты невероятного ультра-радикально-нежно-зеленого цвета от Жерара Дареля... Конечно, писательница Дмитриева такие в жизни не наденет: не вовсе обезумела – тысячу евро отдавать за обувь, в которой и пойти-то некуда. В них вообще вряд ли возможно ходить, на такой-то платформе, это же сантиметров семь, не меньше! Ну разве что осторожно высунуть ножку из «Линкольна» («Роллс-Ройса», «Мерседеса», нужное подчеркнуть) и быть подхваченной кавалером. Кавалер у Алёны Дмитриевой имелся, и даже не один, а вот автомо-

бия не было. Поэтому сапогам была вынесена категорическая резолюция: «Отказать!»

А в следующую секунду сапоги, автомобили и кавалеры были позабыты, потому что Алёнин блуждающий взор наткнулся на газетный киоск. Вернее, на газету «Голос Москвы», выставленную на одном из стендов.

Само собой, сначала Алёна решила, что у нее случился глюк, а проще говоря, мерещится ей. В Париже, на бульваре Мадлен – «Голос Москвы»! Типичный глюк. Потом она увидела рядом «АиФ» и «Комсомолку» и поняла, что у этого продавца, наверное, есть русские клиенты, вот он и старается по мере сил удовлетворять спрос. Интересно, что же это за «Голос Москвы» такой? Наверное, новая газета. Бросались в глаза яркие, крупные заголовки: *«УДАЛОСЬ ПРЕДОТВРАТИТЬ НОВЫЙ ТЕРАКТ НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ», «ДЕПУТАТ ГОСДУМЫ ЛИШИЛСЯ СТАТУСА НЕПРИКАСАЕМОГО», «ПЕВЕЦ МАТВЕЙ ОКАЗАЛСЯ МУЖЧИНОЙ», «ШУМИЛОВЫ В АУТЕ, ТЕПЕРЬ ОЧЕРЕДЬ ЗА КАНАВОЙ!»* Певец Матвей оказался мужчиной?! Интересная постановка вопроса! А кем он должен оказаться?! Ох, умеют, конечно, господа газетчики интриговать! Купить, что ли, этот самый «Голос»? А почему бы и нет? Наверное, Марине тоже будет интересно. Марина не любила читать газеты в Интернете, поэтому Алёна вечно тащила ей from Russia with love невероятное количество бумажного хлама.

Продавец был занят с двумя немолодыми англичанками,

которые желали приобрести эротический журнал с умопомрачительно красивым и неправдоподобно-мощно оснащенным юношей на обложке. Учитывая, что англичанки-пуристки очень стеснялись своего стремления иметь этого молодца хотя бы в глянцево-журнальном варианте, они жеманились, показывали то на одну обложку, то на другую, хотя глаза их были просто прикованы к полурасстегнутой ширинке. Продавец не меньше покупательниц был увлечен игрой, поэтому Алёна не стала его отвлекать: положила на прилавок пять евро – слушайте, оказывается, московская пресса просто на вес золота, вот рядом на стойке «Le Mond» и «Figaro» всего за один евро и сорок сантимов, вот «Русская мысль», которая издается в Париже, за два с половиной евро, но не за пять же! – взяла со стенда «Голос Москвы» – номер оказался последним, вот чудеса, за такие деньги, а все расхватили! – и пошла своей дорогой. Разумеется, шла она недолго: не удержалась, чтобы не открыть газету (некоторые страницы не были разрезаны, Алёна не стала их разрывать, чтобы не порвать плотную бумагу) и не пробежать взглядом по другим заголовкам. И замерла, потому что прочла следующее: *«Женский детектив умирает»*.

Выше уже упоминалось, что наша героиня занимается этим хлопотным, нервным, не шибко прибыльным, но исключительно приятным ремеслом. Ее сотрудничество с издательством «Глобус» длилось уже лет, не соврать, пятнадцать, и писательница Дмитриева осчастливила и издателей,

и читателей почти сотней романчиков. К числу властителей умов она не принадлежала, однако и у нее имелись пылкие поклонники и поклонницы. Жизни вне своих романов и их создания она себе не мыслила, а потому, прочитав упаднический заголовок, ощутила, что у нее повышается температура, падает давление, начинается тахикардия... в общем, налицо приближение печальной смерти.

Алёна меркнувшим взором нашла имя автора – и остолбенела, потому что статья оказалась написана признанной метрессой женского детектива, некоторым образом положившей начало жанру своей многотомной серией романов об этаким Эрколе Пуаро в юбке. Героиня этих романов, болезненная, неженственная, неавантажная, некрасивая, брюзгливая, фригидная, злоязычная, почему-то пользовалась невероятным успехом у публики. Впрочем, написаны книжки были занятно и завлекательно, так что по пути метрессы немедленно ринулись многочисленные эпигонши, которые, в меру сил своих, начали более или менее удачно развивать и тему, и образ, а также плодить новых, более или менее нестандартных героинь. Создательниц женских детективов развелось теперь – не счесть (в эту когорту входила, напомним, и Алёна Дмитриева), и многие из них весьма лихо, не побоимся этого слова, конкурировали с метрессой-прародительницей, а порой и превосходили ее в популярности. Дошло до того, что метрессу начали откровенно задвигать, да и книг новых она выдавала теперь самую чуточку, жила боль-

ше былой славой, то есть переизданиями, и беспощадный глагол «исписалась» все чаще звучал рядом с ее именем. И вот вам – статья, в которой выносятся смертный приговор всем, кто затмевает метрессу. Они, эти дерзновенные, были перечислены поименно, их романы подвергнуты самому пристальному, уничижительному и весьма убедительному анализу...

Алёна пробежала список вивисектируемых и мысленно перекрестилась, не обнаружив своей фамилии. Начала читать – ну что ж, с оценкой некоторых популярных творений нельзя не согласиться, и какое замечательное сравнение иных женских детективов с фастфудом: пока ешь, вкусно, и только потом начинаешь понимать, какую гадость употребил! Все-таки метресса, конечно, акула, пиранья и барракуда, но при этом умнейшая женщина, честное слово! Хотя такое количество негатива начинает утомлять. Алёна читала с пятого на десятое, то хихикая, то поеживаясь, как вдруг ей почудилось в самом конце статьи знакомое сочетание букв. Присмотрелась. Да, и в самом деле – «Дмитриева». Ее фамилия! Интересно, в каком контексте? Если ее нет в списке обруганных, то, может, она окажется в списке милостиво похваленных?

«Об остальном псевдописательском планктоне, обо всех этих Макаровых, Кузнецовых, Свечкиных и разных прочих Дмитриевых мне даже говорить не хочется, да они и не стоят внимания», – прочла Алёна и почувствовала себя так,

будто ей в живот воткнули зазубренный меч. Да уж, надеяться на милосердие саблезубой тигрицы – напрасная затея!

Ничего не видя перед собой, ощущая, как похолодели от ярости руки, губы и щеки, она скомкала газету и отшвырнула прочь. Сделала несколько шагов в таком же неконтролируемом состоянии – и спохватилась, что находится вообще-то в столице мира, на одном из знаменитейших парижских бульваров (в номере 32, к примеру, некогда находился салон мадам Рекамье, приятельницы мадам де Сталь и Рене Шатобриана, в доме 11 умерла знаменитая Альфонсина Плесси – «Дама с камелиями» Дюма-сына, ну и *et cetera, et cetera*), а ведет себя так, словно пребывает в центре деревни Гадюкино, в которой, как известно, перманентно идут дожди.

Алёна огляделась, готовая немедленно подобрать поганую газетенку и с покаянным видом потащить ее в ближайшую урну, однако узрела интересную картину. Ветер подхватил смятый в комок «Голос Москвы» и потащил его, словно перекати-поле, по крохотной улице Эдуарда VII к одноименной площади. Это было на редкость рафинированное местечко – сплошь замощенное, уставленное кадками с вечно-зелеными деревцами, с мраморным памятником этому самому Эдуарду, королю английскому, который, кажется, более всего прославился тем, что уродился сыном знаменитой королевы Виктории. И тем не менее даже на этой изысканной улочке нашел себе приют парижский клошар, сиречь бомж.

Воспетая некогда Виктором Гюго и разными прочими,

условно говоря, Золя, Гонкурами и Сименонами, армия парижских клошаров теперь переселилась из-под сырых, промозглых мостов на сушу и была снабжена некоторыми атрибутами социальной защищенности. У них имелись надувные матрасы, какие-никакие одеяла, иногда даже не на все сто процентов синтетические, некие подобия подушек, у многих – спальные мешки, кое у кого – раскладушки, зонты, а также тележки, чтобы *omnia mea mecum porto*⁴, как завещали мудрые-премудрые, древние-предревные римляне. При этом парижские клошары с давних времен усвоили некую премудрость, каковую знали и российские бедолаги: если мерзнешь, а теплой одежды мало, обернись газетами. Между прочим, жаль, что не существует статистических сведений, скольких человек спасли от переохлаждения и обморожения нижних конечностей элементарные «Правда», «Известия» ну и, само собой, «Комсомолка»! Полагаю, что и «Libération», и «Le Monde», и «Le Parisien» и, конечно же, «L'Humanité» и вся прочая парижская пресса также сыграли большую гуманистическую роль этой суровой французской зимой. Судя по всему, свое предназначение предстояло выполнить и «Голосу Москвы», выброшенному Алёной. В то время, когда газетный ком проносился мимо свернувшейся клубком бесформенной массы, покрытой серо-буро-малиновым одеялом, оттуда высунулась лапища в митенке (Бог его знает, отчего эти перчатки с обрезанными пальцами – французское

---

⁴ Все свое ношу с собой (*лат.*).

слово *mitaines* и означает «без пальцев», – бывшие сначала исключительно принадлежностью рыцарских доспехов, потом – ремесленников и торговков из простолюдуя, а в дальнейшем вдруг обретшие невероятную популярность у самых утонченных дам, – в наше время сделались столь любимыми клошарством!), сгребла грязными, с траурной каймой под ногтями, пальцами газету и поволокла ее под свое одеяло.

Ну что ж, Алёна могла только порадоваться, что ее пять евро не пропали даром, а принесли некую пользу одному из малых сих.

Порадоваться не получилось – очень уж тягостное впечатление произвела статья. Понурия, обруганная писательница Дмитриева прошла еще квартал и машинально остановилась, потому что зеленая фигурка на светофоре напротив сменилась красной, и несколько автомобилей мигом ринулись по улице Комартан, которая пересекала бульвар Мадлен. И вдруг Алёна растерянно хлопнула глазами. Прямо напротив, на противоположной стороне улицы, тоже под светофором, переминался с ноги на ногу тот самый испанец с площади Соссе! И хотя *errare humanum est*⁵, Алёна была убеждена, что она-то не ошибается. Смугло-бледное лицо, темные глаза, смешно торчащие волосы, узехонькие брючки, заправленные в высокие ботинки, легонькое пальтецо и, конечно, невероятные синие наушники. Он ошарашенно смотрел на

---

⁵ Человеку свойственно ошибаться (*лат.*).

Алёну.

Вид испанца был ошеломленным. Он аж губами шевелил растерянно. Наверное, бормотал про себя: «Это каким же образом она сюда угодила, эта дура в серой шубке?! Я ж ей куда дорогу указал? А она куда забрела?!»

– Поль, ты меня видишь?

– Да.

– Посмотри, напротив, около светофора, стоит женщина в серой короткой шубке с капюшоном.

– Вижу.

– Она была там, на остановке, где я ждал Жоэля! Она подошла ко мне, когда я чуть не сел в такси, начала спрашивать, как пройти на Осман, я указал ей дорогу – и вдруг вижу ее здесь. Она следит за мной, она заодно с таксистом, если бы я не рванул так неожиданно с места, они вдвоем запихнули бы меня в машину!

– Так что ж ты стоишь? Здесь неподалеку запросто может оказаться и таксист. Немедленно мотай оттуда! Слева от тебя подъезд, код 1224, ну, быстро!

И перед Алёной разыгралась сцена, аналогичная происшедшей на площади Соссе.

1789 год

– Петр Григорьев, тебя к столоначальнику. Да срочно!

Все, говорит, пусть бросит и бежит!

– Бегу, бегу!.. Вызывали, ваше превосходительство?

– Вызывал. Отдышись, ишь, запыхался! В твои-то годы!

Когда мне двадцать два было, я соколом летал, а ты тащишься, будто гусенок с подбитым крылом. Устал? Каши мало ел, вон тощеватый какой, нос торчит, будто у дятла. А что это ты обносился так, Григорьев? Паричишко рыжеватый – несолидно, наши все в пудренных ходят либо вороных. И кафтанишко... фу, был черный, теперь тоже порыжел. Приоденься, встречают, знаешь ли, по одежке! Ладно, не за тем зван был. Погляди сюда. Твоей рукой писаны сии листки?

– Да вроде моей, однако дозвольте взглянуть поближе.

– Глазам не веришь? Понимаю! Читай вслух!

– *«Доношу вашему превосходительству, что последние два письма 2-на посланника без трудности распечатать было можно, чего ради и копии с них при сем прилагаются. Та-кож синий куверт⁶ в министерский кабинет в Париж легко было распечатать, однако ж два письма в оном куверте, то есть к королю и в кабинет, такого состояния были, что, хотя всякое старание прилагалось, однако ж отворить ока-*

---

⁶ То есть конверт (старин.).

залось невозможно. Так вышло, что куверты не токмо по углам, но и везде клеем заклеены, и тем клеем обвязанная под кувертом крестом на письмах нитка таким образом утверждена была, что оный клей от пара кипятка, над чем письма я несколько часов держал, никак распусться и отстать не мог. Да и тот клей, который под печатями находился (хотя я искусно снял), однако ж не распустился. Следовательно же, я, к превеликому моему соболезнованию, никакой возможности не нашел оных писем распечатать без совершенного разодрания кувертов, чего делать остерегся, иначе дело наше наружу вышло бы. Цифирного кабинета Секретной экспедиции чин Петр Григорьев».

– Ну? Чего замолк?

– Так... чего ж еще читать? Кончилось письмо.

– Кончилось, говоришь? Очень печально, коли так!

– А чего ж... да коли так вышло, то есть не вышло, чего ж еще писать?

– Вышло, не вышло... Слушать тошно! Так вот и заставишь ты меня, Петька, пожалуй, что из ничтожества тебя извлек и, во имя дружбы с покойным твоим батюшкой, незабвенным другом моим Федором Иванычем, принял под свое крыло, взял в Цифирный кабинет. Сам знаешь, как на тебя прочие косятся. Они-то все с титулами, дворянские сыновья, а ты...

– Эгеж, знаю я наших титулованных олухов! Задницу от стула не оторвут лишний раз, а я... я-то здесь, при кабинете,

днюю и ночую, аж с женой рассорился из-за своего избыточного усердия.

– Ты язык придержал бы, Петр сын Федоров. Мало того, что старшего и начальника дерзаешь перебить, еще и оскорбляешь более удачливых. Молодой граф Шевелев – форсёр⁷ из догадливейших, младший Бобчинский – перлюстратор отменный, э-э-э...

– Эх, ваше превосходительство, Алексей Алексеевич, покровитель богоданный, отец названный! То-то и оно, что «э-э-э»! Раз-два усердных господ – и обчелся. Да и таковы ли они в самом деле усердны? Шевелев лишь единожды форсировал новый шифр посланника Сегюра, да и то – как? Основываясь на моих догадках и предположениях. Я уж не стал шума поднимать, когда из моего сундука пропали заметки, кои я делал для составления нового «Цифирного лексикона для господ форсёров», а видимо, следовало жалобу подать, ибо моими догадками Шевелев потом козырял без зазрения совести. Бобчинский... ну Бобчинский горазд послания над паром держать, чтобы печати отклеились, терпения ему не занимать стать так кувертом водить, дабы сургуч не сломался, да зато невнимателен: чернила от пара начинают подтекать. Сами же разнос ему делали за небрежный вид аглицкого письма, кое в его руках побывало!

---

⁷ В описываемое время слово «форсировать» в секретной службе употреблялось в значении «дешифровать», форсёрами же называли дешифраторов, разгадывателей шифров.

– Да и что, что небрежный вид имеет, думаешь, после недельного пути в курьерской сумке сохранится в целости и красоте?

– Ох, ваше превосходительство, Алексей Алексеевич, не скажите! Чай, посольский курьер – это не военный нарочный, который сунул пакет под мундир, вскинул два пальца к киверу – и вперед, через реки, через степи, через лужи и болота! В каком виде он там послание привезет – не суть важно, главное, чтоб текст можно было разобрать. Посольский же курьер свой груз бережет, везет в особой сумке... я вот знал одного из итальянской миссии – он куверты мехом оборачивал, потом особенной непромокаемой кожей, а потом укладывал в твердый кофр, чтоб, не дай Бог, печати не сломались, а его бы в небрежении не обвинили. И если курьер не на нашем откупе состоит, если вдруг заподозрит, что к письму чужие лапы протянулись – такой человек предпочтет к своему хозяину воротиться и доложить, что подозревает, куверт-де был вскрыт или хотя бы сделана такая попытка. Который же из господ посланников после такого случая письмо всего лишь перезапечатает и в том же виде отправит? Скорей всего жди перемены шифра, особой осторожности при отправлении, жди замены русских посольских служащих... Опять придется нам и подкуп лакеев сызнова начинать, и всю систему форсирования цифири разрабатывать. А Бобчинский – ему главное, чтобы именно это письмо прочитали, а потом хоть трава не расти. Я почти уверен, что

он те печати небрежно на место приляпал, приспособил абы как. Вообще, ваше превосходительство, я к вам давно хотел с докладной явиться... на ту тему, что негоже нам по старинке работать с печатями. Отклеивать, приклеивать вновь... Надобно свои печати по оттискам сделать, чтоб старый сургуч отбросить, отклеив, и куверт залить сызнава сургучом (понятное дело, надобно иметь образцы всех сургучей из всех посольств) – и запечатать.

– Ну, ты хватил, милок! Выдумщик ты, Петька, и отец твой выдумщик был. Заговорил, ну совсем заговорил. Ишь, чего удумал – печати посольские подделать! Да как ты это сделаешь? Чай, господа иноземные министры⁸ каждый свою личную печать имеют, на грудях носят, на цепках, на шнурах шелковых. Прикажешь им в пазухи лезть, чтобы печати добыть? Да еще надо успеть оттиски восковые сделать, да не один, на всякий-то случай...

– Так, ваше превосходительство, все одно мы деньги большие на подкуп лакеев тратим, ну, придется приплатить.

– Ага, ага, все вы горазды за казенный счет выдумки выдумывать, а кому нож к горлу приставят, когда настанет время отчет сдавать и в тратах виниться? Ладно, это все пустое. Сейчас слушай вот что. Прибежал этот, как его, писарь Сегюра, Ульян...

– Жюль, ваше превосходительство, его Жюлем зовут!

---

⁸ В описываемое время послов иностранных государств часто называли министрами.

– Да хоть горшком назови, Жюль, Ульянов – велика ли разница?! – словом, притащил обрывки каких-то бумажек, по виду, черновик письма, которое хозяин приготовил к нынешней отправки. Взгляни-ка, Петруша, мы его уж форсировали.

– «...у нее претупая голова, мне не удалось заставить ее сочинить шесть стихов на заданную тему. Она беспрестанно делает ошибки против языка и правописания. Коли она была бы частною женщиною во Франции, то многие парижские дамы не нашли бы ее довольно любезною для того, чтобы отужинать с ними. Притом Фитц-Герберт уверяет, что, родись она мужчиной, она была бы мудрым законовелем, а Кобенцель полагает, что сделалась бы великим министром. Чтобы не отстать от них, мне пришлось уверить ее, что она сделалась бы знаменитым полководцем.

– На этот раз вы ошибаетесь, – возразила она. – Я знаю себя; я бы отважилась на все для славы и в чине поручика в первую кампанию не снесла бы головы.

Эти слова ее очень показательны в том смысле, что довольно говорят о силе ее характера и склонности к авантюрам. Известна история компюта, который привел ее на престол.

В другой раз мы говорили о предположениях, которые тогда делались в Европе по поводу ее минувшего путешествия с императором Иосифом. Мы все были одинакового мнения и уверяли, что везде будут думать, будто она с императо-

ром хочет завоевать Турцию, Персию, даже, может быть, Индию и Японию, что ее замыслы занимают и тревожат всю Европу. Она откровенно радовалась этим словам и говорила, что о приписываемых ей планах стоит подумать. А потом выпытывала у меня насчет тех колебаний, которыми сотрясается теперь престол его величества. Не удивлюсь, если эта коварная и алчная особа лелеет надежды воспользоваться ситуацией и присоединить свои усилия к усилиям...»

– Ну, прочитал?

– ...Боже ты мой... Это про кого ж он пишет?!

– Разве непонятно? Ты что ж, Петруша, дитя малое?

– Неужто про государыню?

– То-то и оно. И заметь, это всего лишь *brouillon*⁹, а уж коли в черновике такое, то что ж он, гад подколодный, в донесении прямом написал?! Страшно подумать. Теперь, Петруша, надо нам из кожи вон вылезти, а всякую его дипломатическую цидулку иметь для просмотра и копирования. Из этих их дипломатических донесений и расходятся потом по газетенкам сведения для пасквилей, а знал бы ты, как болезненно реагирует государыня на измышления злобные касательно ее особы! Конечное дело, она хоть и императрица, а все женщина пречувствительная! И вот я тебе что хочу поручить, Петруша. Ты с этим Ульяном, ну, секретарем посольским, как его там... Жюлем, значит, сойдишь покороче. Ты

---

⁹ Черновик (франц.).

ж по-французски горазд и читать, и болтать! Малый сей нам вполне может стать нужным и даже необходимым. Подружись с ним, поводи по кабакам, ну, к девкам заглянуть дозволяю...

– Что? Как это – к девкам? Я ж человек женатый! Агафьюшка у меня есть, никакие девки мне не надобны, стыд это и измена!

– Ой, да подумаешь, как всполошился! Что я такого сказал? Ну, не хочешь, не таскайся по девкам, зазови его к себе домой, посидите за наливочкой по-семейному. Наливочку-то твоя Агафьюшка ненаглядная ставила? Если нет, я пришлю, у нас наливочка знатная, вишневочка, не одну квартиру мы с твоим батюшкой покойным усидели.

– Есть, есть у нас наливочка, не извольте беспокоиться.

– А все ж я своей пришлю, с ней ничто не сравнится. Но ты сам смотри, Петруша: хошь – мою пей, хошь – свою, да только обгуляй ты мне этого Ульяна, сиречь Жюля, чтоб он тебе душу запродаст, ровно дьяволу. И денег на него не жалей. Понял? Слух дошел, посольские начали шифры менять, так вот – мне здесь, в Цифирной службе, их новый шифр нужен в тот же день и час, а то и раньше, чем у Сегюра окажется. Понял ли, Петрушка?

– Понял, ваше превосходительство, чего ж тут не понять! Дозвольте идти?

– Иди, да не просто иди, а с Богом!

Наши дни

Н-да... Ну не было больше у Алёны Дмитриевой никаких слов, кроме «н-да»! И смех и грех. Интересно, этот красивый испанец с такой дикой поспешностью бегал от нее конкретно или являл собою некую разновидность этого, как его там, парня из «Ночного дозора», который непрестанно то входил в Сумрак, то выходил из него? Может, двери, в которые он вбегает, не просто вход в подъезды, а некие разновидности порталов, тем паче что дверь по-французски – porte?

Алёна перешла улицу (красная фигурка на светофоре как раз сменилась зеленой) и подошла к предполагаемому portalу. Да вроде бы ничего фантастического, дверь как дверь... Поцарапала ее ногтем и, начисто забыв, что собиралась свернуть по улице Скриб к Опера, пошла дальше по бульвару Мадлен. При этом она беспрестанно оглядывалась, словно надеясь, что «синие ушки» вот-вот выскочат из портала. На самом деле она, конечно, не надеялась. Просто длилось странное ощущение, будто кто-то смотрит ей в спину. Вот она и думала, что испанец тарашится на нее сквозь какую-нибудь щель в портале... Щель в портале!!! Господа фантасты!!! Этот невероятный образ Алёны Дмитриева отдает вам даром!

Между прочим, не зря, не зря чудился ей чей-то взгляд...

Взгляд был-таки, а также имел место некий разговор.

– *Опять! Она опять подала ему сигнал!*

– *Ты о чем?*

– *Я только что видел эту русскую в сером! Видел Диего! Она точно шла на встречу с ним! Они остановились по разным сторонам улицы, и он вдруг сорвался с места и скрылся в каком-то подъезде! А она идет дальше по Мадлен!*

– *Бруно... сегодня не твой день, как мне кажется. Ты дважды упустил Диего и снова рискуешь упустить его связную. Догони ее и убери. Давай быстрее, и чтобы больше никаких недоразумений на сегодня, понял?*

– *Понял.*

Алёна оглядывалась, оглядывалась и дооглядывалась до того, что услышала вдруг какой-то щелчок, а потом ощутила, как ее черные вельветовые джинсы, до сей минуты даже слишком плотно облежавшие талию, вдруг сделались какими-то странно-свободными. Она воровато просунула руку под шубку и с ужасом ощутила, что крючочек, державший штаны, оторвался. То-то он в последнее время был каким-то слишком гибким и как бы мягким!

Алёна обшарила мысленным взором сумку... нет, булавки нету. Как же быть?! Не идти же, поддерживая штаны! То есть какое-то время так пройти можно, но, пока до дома дойдешь, проклянешь все на свете. Да и уже нет времени захо-

дить на рю Друо, переодеваться и натягивать на себя еще более узкие Маринины джинсы (наша героиня, надеясь прибахлится в столице мировой моды, прихватила с собой одну пару брюк), ведь, пока она тут шлялась, время подкатило к одиннадцати, пора со всех ног бежать за Танечкой!

Алёна мысленным взором окинула прилегающие окрестности. Срочно нужен магазин. Они тут на каждом шагу, прямо скажем, натыканы, все-таки дело происходит, прошу не забывать, в Париже, но это должен быть магазин с демократичными ценами – раз, где есть большой выбор одежды – два, а три – с реальными размерами, не только на Твигги рассчитанными, но и на фактурных русских красавиц. О, есть такой! Это «Promod», один из филиалов которого совсем недавно открылся на стыке площади Опера и бульвара Капуцинок, который почему-то в России упорно называют бульваром Капуцинов, а между тем он называется именно boulevard des Capucines, а не Capucins. По бульвару *Капуцинок* некогда прошел первый парижский омнибус, а в доме № 14 в 1895 году впервые был показан кинофильм братьев Люмьер, и картина Клода Моне называется «Бульвар *Капуцинок* в Париже», так что в название известного русского фильма вкралась смешная ошибка. Штука в том, что некогда здесь находился женский монастырь ордена капуцинов, и бульвар назвали именно в честь монахинь. Прямо напротив, чуть поодаль, стоял мужской капуцинский монастырь, но он почему-то не удостоился чести быть увековеченным в

парижских названиях.

Но о странностях топонимики Алёна сейчас не думала, а думала она только о магазине «Promod». «Promod» – то, что надо! В Нижнем Горьком, где в основном обитала наша героиня, тоже имелось несколько магазинов этой фирмы, в которых Алёна не раз покупала разные рубашки: у нее вообще была слабость к блузкам рубашечного стиля.

Она рысью перенеслась через площадь, даже не удосужившись бросить взгляд на красивейшее в мире здание – Гранд-опера, а еще менее – на светофоры, и, услышав, как за спиной взвизгнули тормоза очень своевременно остановившейся машины, влетела в распахнутую дверь. По утреннему времени он был практически пуст, только у кассы стояла какая-то девушка в мешковатой серой куртке и с ворохом джинсов в руках. Джинсы от «Promod» писательнице Дмитриевой не нравились совершенно, они были для ее шедевральных бедер мелковаты и плосковаты, а потому Алёна рысью понеслась к стойке, на которой висели брюки.

Что за незадача?! Сплошь новый фасон – широченные в бедрах, зауженные книзу, да еще с манжетами, фу, как напоминают некогда носимые, нелюбимые и благополучно оставленные «бананы». Можно представить, как безобразно они будут толстить... Но выбора нет. Померить хоть эти, серые с ремнем, что ли? Алёна схватила чуть ли не первые попавшиеся штаны, на которых было написано 40 – ее французский размер, в России это то же, что 46, – и кинулась

в примерочную, едва не столкнувшись с покупательницей джинсов, которая в это время отошла от кассы и проследовала в другую дверь магазина, выходящую на Шоссе Д'Антен... Где-то на этой улице находится дом, в котором некогда умер Мирабо, один из самых скандальных людей конца XVIII столетия, неутомимый искатель приключений, Казанова номер два, а может, и один, адвокат, который пытался помирить короля Людовика XVI и внезапно сошедший с ума французский народ, может быть, он мог бы предотвратить революционный кошмар, но внезапно скончался... В часы агонии под окнами его дома на Шоссе Д'Антен часами стояли толпы потрясенных парижан, в основном парижанок, и мостовая была засыпана песком, чтобы даже стук колес не потревожил умирающего...

А впрочем, эта чрезмерно начитанная дама, наша героиня, как всегда, растеклась мысью по древу. И мы вместе с ней. Вернемся же к реальности, воплотившейся сейчас для Алёны Дмитриевой в виде серых промодовских штанов!

– Бруно, ты где?

– Около магазина.

– Что?!

– Я преследовал эту русскую, но отстал на светофоре, и она вошла в «Promod» на углу Капуцинок и пляс Опера. Я кое-как нашел место, где поставить машину. Вхожу... Черт! Опоздал! Она только что вышла через другую дверь,

на Шоссе Д'Антен, я видел, как мелькнула серая куртка. Так, я тоже туда. Сейчас я ее...

– Что молчишь? Ты ее видишь?

– Нет! Не вижу! Нет! Вижу! Она садится в автобус. Вижу куртку за стеклом.

– Скорей! Преследуй автобус!

– А, *merde!*¹⁰ Моя машина около того входа!

– Твое счастье, что ты далеко.

– Что?! Почему?! То говоришь, преследуй, то – твое счастье...

– Твое счастье, Бруно, что ты сейчас далеко от меня. Иначе это были бы последние минуты твоей жизни. Ну и чего ты замер, кретин?

– Откуда ты знаешь?..

– Оттуда, что я знаю тебя! Беги к авто. Езжай за автобусом. Номер заметил?

– Нет... там такое движение...

– Номер маршрута хотя бы?

– 67-й.

– Уже легче! Постарайся его догнать, вдруг увидишь ее на остановке. Сразу запиши номер автобуса, чтобы не потерять его снова. Не отставай. Будь внимателен, когда пассажиры выходят. Приедет же она куда-нибудь!

---

¹⁰ Так всегда говорят французы в любых мало-мальски затруднительных ситуациях, хотя это благозвучное слово имеет самое что ни на есть неблагозвучное значение: дерьмо.

– Да, да, я сейчас... я снова через магазин пробегу, вдруг я ее там просто не заметил.

– Кретин, проклятый кретин, так ты даже не уверен, что это она уехала на автобусе?!

– Уверен, я уверен! Конечно, ее не может быть в магазине, я ведь своими глазами видел... Бегу, бегу, я уже в авто, я уже еду, я вижу автобус, теперь она от нас не уйдет!

Алёна смотрела в зеркало и не верила своим глазам. Эти мешковатые, неуклюжие, нелепые, дурацкие штаны сидели отлично! И ничуть не толстили – наоборот, стянутые ремнем на талии, подчеркивали и эту самую талию, и фактурные бедра, и видно было, что на бедрах нет никаких «ушей», и ноги у обладательницы этой талии и этих бедер длиннющие, и попа дерзкая, и живот плоский, и вообще, она элегантно-небрежна и может себе позволить влезть в эту мешковатую одежду именно потому, что у нее безупречная фигура, она может позволить себе все, что угодно, даже такой откровенный эпатаж, и пусть умрут от зависти все на свете тонконогие плоскопопые девочки, немилосердно обтягивающие себя нелепыми джинсиками...

Наверное, кое-кто уже заметил: писательнице Дмитриевой только позвольте повосхищаться своей несусветной красотой, и это может растянуться надолго, ей иногда хорошего пенделя нужно дать, чтобы остановить!

Алёна вдруг ощутила словно бы некий моральный пинок – воспоминание о том, что нужно срочно бежать за Танечкой. Она выскочила из потрясающих штанов, снова впихнулась в свои черные джинсы, которые показались отвратительно тесными, и, поддерживая их на талии, ринулась к кассе, только теперь удосужившись глянуть на ценник.

Боже!!! Эти потрясающие штаны, эти лучшие штаны в мире стоили всего девятнадцать евро! Ну да, сейчас же всюду, во всех магазинах, – знаменитые парижские сольды, *soldes de printemps*, весенние распродажи!

Так, заплатить эти смешные деньги, снова в примерочную, надеть уже обожаемые, восхитительные штаны с очаровательными манжетами, которые, к сожалению, придется заправить в сапоги... ну и даже заправленные, брючки тоже очаровательны, очень даже вызывающие, такие модерновые галифе, чуточку милитари, как и сапоги, но самую-самую чуточку...

Алёна запрыгнула в автобус, который повез ее по бульвару Капуцинок, до стыка его с бульваром Итальянцев (именно Итальянцев, а не Итальянок, заметьте себе!), Осману, а оттуда по рю Друо – до поворота на улицу *Grange Batelière*, что в русском переводе означает, вы не поверите, Сарай Лодочницы... Раньше, на заре своих визитов в Париж, Алёна Дмитриева думала, что это улица Великой Баталии, перепутав слова *grand* и *grange*, а также *batelière* и *bataille*. Смех да и только! Именно на этом самом Сарае Лодочницы нахо-

дилась Танечкина эколь примэр, откуда ребенок был забран своевременно, и вообще все свои воспитательные обязанности Алёна в тот день выполнила с блеском, а потом, вечером, когда Марина вернулась с работы, наша героиня вполне могла себе позволить свое налюбимейшее парижское развлечение: поход на милонгу.

1789 год

– Ах, Господи! Куда ж ты прешь, глаза вылупив, барин?! Не видишь разве, что человек тут стоит? Ну что мне теперь делать? Яблоки... в грязь... а нынче гости... я их к столу хотела!.. Ты, конечно, думаешь, я в грязюку полезу их собирать да после мыть? Ну уж нет, Агафья Григорьева в навозе да грязище подколесной ковыряться не станет.

– Простите великодушно, красавица!

– Ой, как чудно ты говоришь! Вроде бы и по-русски, а вроде бы и нет. Иноземец, что ли? А чего одет так плохонько? Кафтанишко бы какой, все черное... аль в жалиях?

– Пардон, мадам? Что такое есть – «в жалиях»? Я хорошо знаю русский язык, знаю слово «жалеть», что означает сочувствовать, но не знаю слово «в жалиях».

– Да ничего хитрого в слове нету. Правильно ты сказал: жалеть – значит, сочувствовать. Вот коли кто родню свою на погост свез, тем прочие люди сочувствуют. Жалеют его. А в знак того надевают всякую рванину, да потемней, мол, ничто мирское мне не мило, душа моя на тот свет стремится, за обожаемым созданием.

– Ах вот оно что! Мадам решила, что ее покорный слуга en deuil, в трауре!

– Слушай, а ты с кем говоришь-то? Меня Агафья Леонтьевна зовут-величают, а не мадам. И слуг у нас нету, мы с

мужем люди недостаточные.

– Приношу свои извинения, Агафья Леонтьевна. Мадам по-французски – то же, что сударыня, госпожа. А ваш покорный слуга – это я, потому что всегда готов оказать услугу такой красавице, как вы.

– Ах, каково же ты дерзок! Да разве можно такое чужой жене говорить? Это ж распутство!

– Ах, мадам, как уныла жизнь в России! Если бы не служба при господине посланнике Сегюре, я бы давно воротился домой, в прекрасную Францию, *duce France*, где обычаи не столь тягостны. Любой кавалер может сделать комплимент прекрасной даме, не рискуя, что его обвинят в распутстве. Ведь красивое слово – это все равно что цветок, который можно по своему желанию подарить любой женщине. Тем паче если она так же прекрасна, как вы, мадам.

– Ах нет, я тебя и слушать более не стану. Речи твои опасны и прельстительны. Пойду подобру-поздорову! Ах... но что же яблоки?!

– Неужели кто-то, кроме русских, может называть яблоками сии странные плоды зелено-желтого цвета?!

– Да это ж моченые яблоки, неужто не знаешь? Нынче, в мае, какие ж плоды, кроме летошних мочеников?

– Мадам, мой лексикон не выдерживает такого количества новых слов. К тому же дела вынуждают меня спешить. Но если вы позволите... я хотел бы... как это... *indemniser le dommage*, возместить ущерб. Эй, торговка! Дай мне десять

штук этих странных плодов.

– Барин, мочеников вам? Мочеников изволите? А плошка у вас есть?

– Мадам, что говорит эта женщина?

– Ах Боже мой, сколь вы непонятливы! В горстях вы моченики не понесете же и в полу не положите. Оттого и берут люди с собой посудину для них. Я тоже брала, да, когда вы на меня налетели, плошка моя глиняная упала и разбилась... видите, черепки валяются?

– Плошка... Да, понимаю... сей товар нуждается в посуде. О, вижу! Эй, potier! Potier!

– Да он же вас не понимает, горшечник-то! Откуда ему знать, что это он – potier? Ну и насмешили вы меня, сударь, или как это по-вашему – мсье!

– Что?.. Вы называете меня – мсье? Вы знаете, что такой potier? Но каким образом?! Смею ли я предположить, что вы знакомы с французским языком? Parlez-vous franzaais, madame?!

– Ну уж прям парле! Я не парле, я лишь кое-какие слова знаю. А вот муж мой – он да, он по-всякому горазд, и по-французски, и по-немецки, и по-аглицки.

– Знание иноземных наречий – признак отменного ума и интереса к жизни. Увы, средь русских сие большая редкость. И где же служит ваш супруг?

– Курьером при Цифирном комитете. Ах, да это секрет! Что ж это я языком молочу, баба глупая! Узнает Петруша –

прибьет.

— Что?! Что вы говорите? Неужто мыслимо сие варварство — хоть пальцем тронуть такую красоту?!

— Ах, ну что это ты опять говоришь... нашел тоже красоту! И конопушки у меня, и волосы двухцветные... Али в самом деле хороша? Не лжешь?

— Клянусь небесами, мадам, вы прекрасны, как этот майский день! Тем паче не могу поверить, что можно даже помыслить о том, чтобы вас ударить.

— Не изволь волноваться, мужик мой добр и незлобив, отродясь на меня руку не поднял. Это я так... для красного словца. Однако Петруша не единожды сказывал, чтоб не распускала я язык, не болтала о Цифирном комитете, служба-то секретная. Так что, барин, ступай своей дорогой, а я своей. И спасибо тебе за моченики, у нас нынче гость, вот оно к столу и придется. Но погоди, неужто это верно, что ваша нация мочеников не жалуется? Понимаешь, у нас нынче к столу француз зван, из числа лакеев господина Сегюра, посланника. Он на тайном жаловании у комитета Цифирного. Понимаешь? Шпионит за хозяином своим, а наши ему платят. Что ж, всяк по-своему зарабатывает! Жюлем его зовут, может, слышал?

— Не имел чести. Не знаю такого никакого Жюля и не могу сказать, придутся ли ему по вкусу яблоки. Прощайте, прекрасная дама, дела вынуждают меня спешить. А где вы живете, сударыня? Далеко отсюда?

— Да ну, в двух шагах, на Обводном!

– Надеюсь, небеса будут ко мне благосклонны и я смогу еще хоть раз увидеть вас... хотя бы случайно...

– Ну до чего ж ты смешной, мсье! Небеса зачем-то приплел... Я каждый божий день на этот рынок хожу, и дом мой вон там, за углом, при чем тут небеса? Дела земные! А теперь и впрямь прощай!

Наши дни

Милонга, как уже усвоили все, кого жизнь хоть единожды сводила с Аленой Дмитриевой, это вечеринка, где танцуют только аргентинское танго. В Париже огромное количество милонг, побольше даже, чем в Москве, и, уж конечно, в разы больше, чем в Нижнем Горьком. Побывать на всех, конечно, невозможно, у Алёны были свои любимые местечки. Одно из таких местечек – «Retro Dancing» – находилось всего в полчаса ходьбы от рю Друо, что необычайно удобно: ведь милонги почти всегда оканчиваются за полночь, не нужно спешить на метро, не нужно тратиться на такси. Опять же – моцион вечерний! Впрочем, танго – само по себе моцион не из последних, особенно когда везет с приглашениями и за три-четыре часа почти не садишься. Музыка этой милонги Алёне тоже нравилась: там редко ставили беспредметное нуэво, которое она терпеть не могла, звучали всегда хорошие классические оркестры, а главное, часто играли танго-вальсы, которые Алёна обожала. Партнеры танцевали в стиле старой школы – сначала осторожно выгуливали даму на простых шагах, корректно накручивали очос и молинете или медиа хиро, кокетничая своими ляписами и энроске, потом начинали поигрывать с барридами и парадами, любили вернуть ганчо в самый неожиданный момент, а на воль-

кады и кольгады¹¹ выводили, только если были совершенно уверены в том, что партнерша на это способна. Алёна свою способность не единожды подтверждала, а потому нередко зависала: была «свалена» или «подвешена»¹².

А самое главное, все кавалеры бесподобно музыкальны, а Алёна, которая давно уже излечилась от детской болезни танго-ногомашества и страсти к танго-эпатажу, именно больше всего ценила изысканное умение обыгрывать музыку на простых и изящных движениях. Собственно, к этому в свое время приходят все тангерос, оставляя танцевальную акробатику только для шоу, для танго-рекламы, для привлечения неофитов, которые начинают именно с пылкой страсти к изощренным фигурам и нуэвской музыке, а потом постепенно уходят в спокойный «салон»¹³ и одухотворенную музыкальность старых оркестров.

– Элена! – бросился к ней мужчина лет сорока, стройный, подвижный, одетый в цветастую рубашку, джинсы и черно-белые танцевальные туфли – классика танго, хотя такие туфли чуточку походили на башмаки чикагских гангстеров, скажем, на те, которые носят гангстеры в фильме «В джазе только девушки». Его голова была окружена массой весело выующихся волос, типично галльская смугловатая физиономия сияла улыбкой, темные глаза блестели: – Как я рад

---

¹¹ Названия различных фигур аргентинского танго.

¹² Значение слов *volcadas* и *colgadas* в переводе с испанского.

¹³ Салон, милонгеро, нуэво – основные стили аргентинского танго.

вас видеть, знал бы, что вы придете, и сам появился бы пораньше! Танцуете со мной? Слышите? Ваш любимый Ортис, я отлично помню, как вы говорили, что любите Ортиса!

Алёна не стала спорить. Она обожала классические оркестры и знала за собой эту особенность: стоило зазвучать, Карабелли, Ортису, Хуану Маглио Пачо, Ди Сарли, Д'Арьенсо, Фреседо, Донато, Канаро (Канаро, ах, Канаро!!!), как она начинала умиленно причитать: «Ах, как я люблю этот оркестр!», в самом деле искренне и от души любя его в это мгновение больше прочих.

Оркестр Ортиса звучал мелодично, однако голова Алёны сейчас была занята не музыкой. Она пыталась вспомнить имя партнера. Жоэль? Мартин? Себастьян? Оливье? Даниэль?

К счастью, он, как бы ни звался, не принадлежал к числу болтунов: предпочитал молчать во время танго, да и в паузах между ними помалкивал, улыбаясь с загадочным выражением, как бы уверяя, что лично знаком с диджеем, и обещая, что следующая мелодия будет еще лучше. Ну что ж, обещания сбывались!

– Хотите отдохнуть? – спросил партнер, когда началась картина. Так называются короткие музыкальные перерывы между тандами, ну а танда – это несколько, обычно четыре, танго, которые танцуются подряд, без перерыва.

– А вы? – дипломатично спросила Алёна, которая, хотя часа два уже практически не присаживалась, отдохнуть со-

вершенно не хотела, но опасалась быть надоедливой.

– Я бы с удовольствием еще потанцевал. Сейчас вроде бы милонги будут. С вами их замечательно танцевать, у вас такие ноги легкие! С прошлого года помню, как вы летаете!

Алёна радостно зарделась, нежно улыбнулась – и полетела танцевать милонгу. Ну да, это кроме того, что название вечеринки, еще и быстрый-быстрый танец, иногда напоминающий танго, а иногда – совсем даже нет. И на третьей милонге – это был канаровский «Negrito» – она внезапно вспомнила, как зовут этого тангера в цветастой рубашке и с веселыми кудрями. Оливье, ну конечно!

– Как классно вы ведете, Оливье! – радостно выдохнула она, утыкаясь носом в немножко колючую, но вкусно пахнущую щеку партнера. – Так легко!

– Я – Даниэль, – усмехнулся он. – А Оливье – мой сын. Вон он стоит у стены, посмотрите направо.

Алёна немножко напряглась, вспоминая, на которой руке у нее браслет и кольцо, и посмотрела в том направлении. И расхохоталась: у стены стояла точная копия ее партнера, в такой же цветастой рубашке, джинсах, туфлях, с тучкой таких же буйных кудрей, только без промельков седины и с меньшим количеством лучиков-морщинок на смуглой физиономии.

– Оливье, иди сюда, – махнул рукой Даниэль. – Я тебя познакомлю с настоящей русской красавицей.

Ах ты Боже ж ты мой, ну до чего же приятный народ –

французы!

Впрочем, нет, не все. Этот Оливье явно уродился не в своего обаятельнейшего папеньку. Экая постная физиономия!

– Его партнерша – тоже русская, – болтал Даниэль, нимало не обращая внимания на замкнутость сына. – Ее зовут Ольга. Тоже очень хорошо танцует, как и вы. Оливье нравится танцевать только с Ольгой, все остальные для него просто не существуют. С ней всегда приходит ее молодой человек, который в танго полный профан, но любит смотреть, как танцуют Оливье и Ольга. А чего ты такой унылый сегодня, mon fils, сын мой? – наконец-то заметил он.

Fils смотрел с тоскою:

– Да Ольга куда-то пропала с самого утра. Мы договаривались созвониться, а у нее телефон молчит, не отвечает. Начал звонить Виктору – та же история.

Виктор, догадалась Алёна, наверное, вышеупомянутый молодой человек.

– Ну мало ли какие дела, – начал было успокаивать Даниэль, однако Оливье не успокаивался:

– Что-то недоброе произошло. Когда я позвонил десять минут назад, ответил какой-то мужчина и начал спрашивать, кто я такой. А когда я отключился, подумав, что ошибся номером, он сразу перезвонил мне и опять спросил, кто я и почему интересуюсь Ольгой Шумиловой. С ней какая-то беда!

На самом деле Оливье сказал – Ольга Шумилофф. Вот так они обращаются с нашими русскими фамилиями, эти госпо-

да буржуи! Алёна, впрочем, к этому привыкла, потому что ее настоящую фамилию, Ярушкина (как положено настоящему писателю, она творила и издавалась под псевдонимом), проносили вообще как Ярючкин. Так что Шумилофф – это еще вполне корректно.

– Да ладно, успокойся, все будет нормально, – уже гораздо жестче проговорил Даниэль, и Алёна поняла, что в действие начал вступать один из главных законов французского общения: никто не должен знать, что на самом деле у тебя на душе, и, как бы тебе ни было плохо, никого, кроме тебя, это не касается. – Пойдемте лучше выпьем. Сегодня на билеты обещали очень недурное «Cheval Blanc», вообразите, ординарное, конечно, но оно из тех вин, которому зрелость не слишком-то и нужна, оно и молодое прекрасно на вкус.

– А что такое – на билеты? – удивилась Алёна.

– Разве вы не знаете? В стоимость билета входит бокал вина или два любых прохладительных. – И Даниэль вынул из кармана желтый бумажный прямоугольничек с изящным изображением танцующей пары и надписью «*Milonga «Retro Dancing»*». – У вас должен быть такой же.

– Ну да, – пробормотала Алёна, которая, между нами говоря, с редкостной небрежностью обращалась со всеми и всяческими билетами, чеками и прочими, не побоимся этого слова, финансовыми документами. Она совершенно не могла поручиться, что не бросила в мусорную корзинку, едва приобретя его. А может, сунула в сумку? Или в карман шуб-

ки? Может, пойти поискать? Вообще, совсем неплохо было бы выпить белого горьковатого, прохладного вина...

– Это белое вино? – уточнила она, и Даниэль усмехнулся в ответ:

– Лошадь – белая. А вино – одно из лучших бордо, настоящий рубин. Очень пряное, терпкое, я бы сказал, с дымком. Жаркий такой вкус, экзотический!

Да, «Cheval Blanc» – белая лошадь, но вино, которое так называется, все же красное. Ну нет, этот номер с Алёной Дмитриевой не пройдет. Она не пьет красных вин, ну не нравятся они ей, бывают такие чудеса в природе... Так что искать свой билет она не станет.

– Я, пожалуй, воздержусь, – сказала Алёна дипломатично. – Слышите, вальс играют? Я так люблю вальсы, а от вина у меня мигом голова закружится.

– Вы танцуете, прекрасная дама? – спросил в эту минуту мужской голос. Это был Себастьян – чудный танцор, учившийся, между прочим, в самом Буэнос-Айресе, Мекке всех тангерос!

– Конечно! – радостно кивнула Алёна и умчалась танцевать вальс.

– У вас такое блаженное выражение лица, – сказал Себастьян, когда наступил перерыв между мелодиями. – Нравится вам здесь?

– Ужасно нравится! – восторженно выдохнула Алёна. – Моя любимая милонга. Мне кажется, это лучшее место в Па-

риже.

– Я тоже так думаю, – улыбнулся Себастьян. – Правда, мне еще нравятся милонги студии «Le 18». Вы там бывали?

– Нет, но, наверное... это уж совсем для молодежи...

– Вы думаете, 18 – это возраст? – засмеялся Себастьян. – Вовсе нет. Студия находится на rue Andr  del Sarte, номер 18, кроме того, это восемнадцатый арондисман¹⁴. А публика там примерно такая же, как здесь, – самая разнообразная. Будет время – сходите.

– Вряд ли будет, – вздохнула Ал на. – Я через два дня уезжаю. Завтра опять приду сюда, жалко пропускать!

Снова зазвучал вальс, Себастьян обнял Ал ну... все-таки замечательно его научили обниматься!

Потом ее еще кто-то приглашал, а когда настало время Золушке бежать к своей тыкве, ни Даниэля, ни его печального сына в зале уже не было.

«Ничего, завтра приду и опять потанцуем!» – подумала Ал на и убежала переодеваться. Собственно, переодевание состояло в том, что она надела под платье новые брюки, сунула ноги в сапоги и накинула короткую шубку. И так, из-под пятницы суббота, отправилась домой.

Что характерно, в родном Нижнем Горьком она бы отродясь носа на улицу в таком виде не высунула, а вот Париж располагал к фривольностям и некоторому нигилизму. Сто-

---

¹⁴ Arrondissement – округ или район Парижа, они значатся под порядковыми номерами.

лица мировой моды, что поделать!

По площади Rйpublique, то есть Республики, неподалеку от которой находился «Retro Dancing», завивались прохладные вихри, но, наверное, тут дело было в самой Rйpublique, в ее просторе и неуюте, ну и, конечно, в статуе Республики, этой дородной каменной тетеньке в лавровом венке, с оливковой веткой мира в поднятой руке, у ног которой, вокруг пьедестала, расположились женские фигуры, символизирующие Свободу, Равенство и Братство, а внизу – бронзовый лев в окружении барельефов, отображающих события из истории Франции. Площадь эту Алёна терпеть не могла (у нее вообще ко всем революциям отношение было плёвое, как выразился бы Владимир Владимирович Маяковский), и, кабы не улица Фобур дю Тамплъ с его «Ретро Дансингом», носу бы сюда не казала. Кстати, название улицы, Предместье тамплиеров, тоже несколько примиряло ее с общим неуютным настроением Републик.

Стоило, впрочем, свернуть на бульвар Сен-Мартен, как мигом потеплело. Алёна даже сняла капюшон и подумала, что, пожалуй, французская зима пошла на спад. В России, понятное дело, впереди еще январь и февраль со всей их пакостностью, а здесь вполне возможно проявление милосердия со стороны природы.

Она бежала по бульварам, переходя с Сен-Мартен на Сен-Дени, на Бон-Нувель, оттуда на Пуссоньер, потом на бульвар Монмартр – под каштанами, под заледенелыми, нагими

каштанами! – и наконец сворачивая на рю Друо. По пути она вспоминала, сколько уж раз бегала этим путем и в дождь, и в ясные ночи, и в жару летом, и осенью под ливнем листопада, и весной, чудесной парижской весной, когда однажды вдруг подул сильный ветер и на Алёну начала падать целая лавина цветов с этих каштанов, и это было такое чудо, что она, помнится, заплакала от счастья, вот так стояла посреди бульвара и рыдала блаженно, а парижане и туристы, сидевшие за столиками, выставленными прямо на тротуар, смотрели на нее ошарашенно.

Сейчас, по студеной поре, столики на улицу не выставляли, но, даром что время подкатывало к часу ночи, быстро и ресторанчики были набиты битком. Все ели, ели, ели...

«Ужас, – сурово подумала Алёна. – Не понимаю, как можно есть в такое время! Ночь на дворе!»

Желудок ее, как написано в одном прекрасном романе, требовательно взалкал, и, чтобы его усмирить, Алёна начала вспоминать о милонге, о близком, по-настоящему аргентинском объятии, о водопаде каштановых цветов...

Улыбаясь от воспоминаний, она прибежала домой, а там... а там, как предательский выстрел из-за угла, обрушился на нашу героиню запах курицы гриль, купленной Мариной на ужин. Четвертинка громадной цыпы лежала на блюде рядышком с кучкой хорошеньких, маленьких, промасленных картошечек, а на столе имела место быть записка: «Алёна, это тебе, съедай все!»

Алёна героически отвернулась, пошла умылась, почистила зубы. Разделась, поставила отдыхать затанцованные танго-туфли. Надела ночную рубашку, расстелила постель... Потом, как сомнамбула, вернулась на кухню и, громко вздыхая от наслаждения, съела всю курицу и всю картошку, и еще косточки обгрызла, так это было чудовищно вкусно, а она, оказывается зверски проголодалась. Снова чистя зубы и проклиная себя за слабость, решила: «Завтра пойду Марину провожать с утра пораньше и растрясусь! И вообще буду завтра худеть!»

И немедленно на душе стало легче. Ну какое же счастье, что существует магическое слово «завтра»! Алёна упала в постель, поудобней разместила ноющие танго-ножки – и уснула, даже не подозревая о том, что чертова булгаковская Аннушка уже купила масло, и не только купила, но даже, вообразите себе, и пролила!

1789 год

– Эх, Петруша, много чего мы с тобой насочиняли, разных прожектов, ан нет, все наперекосяк пошло.

– Да, Алексей Алексеич, отец родной... Неудачно вышло. Жена моя ужин собрала пышнейший, солений-мочений всяческих, наливов выставила, а Жюль не пришел. Ждал я его в условленном месте, ждал, а он так и не появился. Видать, раздумал.

– Раздумал, говоришь? Неужто не знаешь, что произошло?!

– А что? Не знаю, не ведаю.

– Не ведает он... Плохи наши дела, Петруша. Убили твоего Ульяна, Жюля, значит. На рассвете, еще смеркалось, водовоз нашел его под стеной посольского сада зарезанным, уж он и заколодел, ни сдвинуть, ни согнуть. По слухам, били его так нещадно перед смертью, что живого места нет.

– Мать честная!..

– Вот и я про то же.

– Кто ж его?!

– Да мало ль лихих людишек. Квартальных-то надзирателей на всякого не напасешься.

– Ищут убийцу? Поняли, зачем содеяно сие?

– А чего тут понимать? Видать, грабеж. Карманы выворочены, ни копыя, ни полушки, ни бумажки какой.

– Ни бумажки?

– Ну да, а что?

– А то, что Жюль обещался мне кое-какие черновики от господина Сегюра принести. Числом три.

– Ну, теперь простись с ними. Эх, как нелепо все, угораздило ж его на сего татя наскочить!

– Алексей Алексеевич, ваше превосходительство...

– Ну? Чего это ты побелел? Чего глаза таращишь?

– Да вот подумалось... А не знает ли кто, когда именно убили нашего страдальца?

– А кто может сие знать? В котором часу ты его ждал?

– Да к ужину. Сговорились, мол, отзвонят вечерню, ну, он и пойдет. Там-то, в посольском доме, все колокола слышать.

– Ну вот и смотри. Вышел он к тебе, а тут на него и... Хм! Загадочно!

– Вот и я говорю, Алексей Алексеевич... Какой тать по белому свету бывать станет? А заметит кто? К тому же приходят белые ночи, теперь долго-долго солнце в небесах стоит. Смеркается ближе к полночи. И если бы убили несчастного Ульяна в такую пору, то кто-нибудь да заметил труп. Сторожа квартальные обходами ходят. Прохожий-проезжий человек. Собаки бы наткнулись да вой подняли. А так нашли лишь на рассвете.

– Ну, значит, он к тебе не собирался. Мало ли что помешало! А ближе к полуночи, уже затемно, пошел невесть по каким своим делам – ну и наткнулся.

– Опять неладно получается, Алексей Алексеевич! Нашли его на самом рассвете. А если убили затемно, сколько там времени прошло? Не более четырех часов. За это время окончательно одеревенеть он не мог. Значит, убили его раньше. Убили и... обчистили карманы, забрав не только деньги, а то, ради чего и прикончили: черновики посольских писем.

– Эка ты хватил, Петрушка!

– А чего ж хватил? Ну вы сами посудите, Алексей Алексеевич: на что вору бумажки? Ему монеты нужны полновесные, вещи какие-то. А бумажки вор бросил бы рядом с трупом. А коли нет...

– К чему это ты клонишь, Петр Федорович? А?

– Ох, ваше превосходительство, сдается мне, убили Жюля не там, где нашли.

– Хочешь сказать, мертвым под стенку посольского сада принесли? Но откуда им знать, кто он, откуда? Зачем туда-сюда мертвеца таскать да рисковать, что увидят?

– То-то и оно! То-то и оно! Сдается мне, убили его недалеко... в самом посольском саду.

– Полагаешь, вор забрался туда, чтобы господина Сегюра обчистить, а на него наткнулся Жюль?

– Все может быть. А только вспомните еще раз про черновики исчезнувшие...

– Да скажи прямо, Петрушка, куда клонишь. А то ходишь вокруг да около, не пойму, что к чему.

– Я думаю, Жюля кто-то подстерег. Кто-то сведущий. Его,

видимо, подозревали, что знается с нами. Схватили, стали бить... наверняка он сознался. Затем зарезали. Но мертвого надо куда-то девать, надо смерть на кого-то свалить. Перекинули через стену или через калитку вытащили, да и бросили под стеной. Ну кому в голову взбредет подозревать, что французы француза же кончили? Конечно, на наших подумают.

– Вот слушай, что тебе скажу, Петрушка. Ты молод, горяч. Разве впервой ловят кого-то на слухачестве? Это в военное время вражеского лазутчика немедля в петлю суют. А сейчас... ну, скажем, дошли бы до нас новые сплетни, кои господин Сегюр про матушку-императрицу распространяет. Ну, сказали бы мы промеж собой: ах ты сукин сын! Или ее величество на куртаге ему сделала бы афронт. Велика ль беда?! Небось урона для казны в том нет, войну сие не вызовет. За что ж человека убивать? Ну что там могло быть, в тех черновиках?!

– Никто, кроме Жюля, не знал. Никто, кроме него, не знал истинной причины гибели. И убийцу никто в лицо не видел. Но должны же были остаться какие-то следы. Дождей не было, значит, что-то осталось. И я найду. Дозволите, ваше превосходительство, пошарить в польском саду?

– Да ты, Петрушка, спятил? Ась? Спятил или нет?! Мыслимо ли дело... да тебе что в сем за прок, что за забота твоя, не пойму?!

– Как так, что за забота?! Да ведь Жюль ко мне шел! Зна-

чит, это я его под нож ненароком подвел. Я! И если я не раз-
узнаю, как и что там произошло, совесть меня загрызет!

– Совесть, ишь... Не совесть у него, а прям-таки собака
злая. Ну а схватят тебя в том саду, что скажешь?

– Схватят?.. Ну уж нет, батюшка Алексей Алексеевич!
Нельзя, чтоб схватили! Знаете, как говорят: не тот вор, кто
воровал, а тот, кто попался. Ну и я постараюсь не попадать-
ся!

Наши дни

«Он? Или не он?»

Алёна прошла мимо отеля и остановилась, доставая из сумки телефон. Приложила трубку к уху и изобразила оживленную мимическую игру. Обернулась, скользнула взглядом по подъезду...

Вроде бы он. Тот самый швейцар, который вчера отправил ее в даль светлую. А зачем?

Именно ради того, чтобы спросить – ну вот зачем ее вчера послали совершенно не в том направлении, сознательно, – Алёна нынче утром, проводив Марину, снова пошла не по Осману, а по бульвару Мальзерб. Разумеется, она не собиралась вот так прямо пристать к швейцару с ножом к горлу и начать его пытаться. Задача была как бы невзначай осветомиться о дороге на бульвар Осман, и если швейцар снова покажет направо, значит, он кретин в высшей степени и окрестностей не знает, ну а если налево, значит, вчера просто что-то перепутал.

И лишь дойдя до отеля «Bon chance», Алёна сообразила, что тест по проверке русского швейцара на степень кренизма вряд ли получится. Они ведь сутками работают, наверное, заступают на смену часов в восемь, ну и меняются во столько же. А сейчас уже без четверти десять. Хотя всякое может быть, вдруг швейцар все же задержался.

Осанистый мужчина в красной форменной куртке стоял у подъезда отеля. Он или не он? Вроде такой же темноволосый, не шибко молодой, но довольно симпатичный и представительный, как положено представителю отеля в три звезды... между прочим, три звезды во Франции – это очень недурно, хотя бы потому, что французы не признают пять звезд, скромно полагая, что гостиничный сервис в их стране до такого уровня не дотягивает просто по определению. Ну так вчерашний это швейцар или нет? Память на лица у Алёны была преотвратительнейшая. А вдруг не он? И на ни в чем не повинного человека наша шалая героиня вдруг обрушится с вопросом, зачем он ей указал неверную дорогу! Глупо. Надо начать с подходцев. Например, с такого:

– Excusez moi, мсье, parlez-vous russe¹⁵?

– Excusez moi, madame, mais non¹⁶, – последовал ответ.

– Ах, какая жалость, – продолжала Алёна с самым приветливым выражением. – А мне сказали, что в этом отеле говорят по-русски, что здесь можно найти переводчика...

– Мадам, вы так прекрасно говорите по-французски, что вам никакой переводчик не нужен, – польстил швейцар, удостоившись приветливой улыбки «мадам», французский которой и в самом деле был недурен. – Что касается русского швейцара, то да, был у нас такой, его звали Алексис, он работал у нас... еще совсем недавно. До вчерашнего дня.

---

¹⁵ Извините, мсье, вы говорите по-русски? (*франц.*)

¹⁶ Извините, мадам, но нет (*франц.*).

«Неужели он еще кого-то, кроме меня, отправил не туда, куда нужно, на него пожаловались – и хозяева прогнали беднягу?» – подумала Алёна.

Спрашивать о деталях, конечно, было неловко, да и делать ей здесь больше нечего было совершенно, поэтому она приготовилась к отступлению, прочирикав, как, мол, ей жаль, что Алексис лишился места, потому что иностранцу очень нелегко найти работу в Париже.

– Эх, мадам, – пожал плечами швейцар, – Алексису уже никуда не удастся устроиться. Ни в Париже, ни где бы то ни было еще.

– Неужели он получил такую плохую рекомендацию? – удивилась Алёна.

Швейцар посмотрел на нее вприщур:

– Пулю он получил, а не рекомендацию!

– Пулю? – недоверчиво повторила Алёна.

– Да, мадам! – Швейцару явно было приятно смотреть в ее вытаращенные глазки. – Прямо вот здесь, у входа. – Он топнул и посмотрел на тротуар. – Я сам не видел, но говорят, вчера здесь была невероятная лужа крови. Пришлось менять ковер перед дверью.

Алёна посмотрела на ковер. Он сиял чистотой, как, впрочем и тротуар. Его отмыли. Отмыли от грязи и крови. Вот ужас!

– Но за что? – Разумеется, она успела поймать на самом кончике языка дурацкое предположение о неправильно ука-

занной дороге еще кому-то, более нервному и мстительному, чем Алёна Дмитриева.

– Этого никто не знает, – пожал плечами швейцар. – Просто вчера здесь произошло аж три убийства.

– Что?!

Похоже, швейцар был в восторге, что большие и прекрасные глаза русской дамы становятся все больше и больше, а может, даже и прекрасней. Не исключено, он решил выяснить предел их увеличения, потому что с жаром сказал:

– Вот именно! Сначала вон там, – он махнул рукой налево, в боковую улицу, прямо у стены отеля, – застрелили каких-то двоих русских, мужчину и женщину, а потом, приблизительно в это самое время, – он постучал по своему волосатому запястью с огромными часами, – застрелили Алексиса. Возможно, он видел что-то лишнее. За то и получил пулю.

И тут его ожидало разочарование, потому что глаза Алёны перестали увеличиваться, а, наоборот, зажмурились.

Было с чего, между прочим! Ведь вчера она проходила здесь примерно в то же время! И если бы швейцар по имени Алексис показал ей куда надо и не перепутал направление, она оказалось бы на злополучной улочке как раз в ту минуту, когда там убили каких-то русских... А вдруг там проходила организованная охота?! И Алёна попала бы в число жертв! Правда, на физиономии у нее не написано, что она русская, а паспорта там вряд ли спрашивали... да и не носит

она с собой загранпаспорт, вот и сейчас его нет в сумке... Нет, она могла словить пулю просто случайно, бывают же такие ужасные моменты на свете. Или оказалась бы свидетельницей преступления и ее убили бы просто потому, что во всех детективах (в том числе и написанных Алёной Дмитриевой) свидетелей всегда убирают. И тогда девчонки остались бы вовремя не забранными из своих эколей, не накормленными, вообще жуткая суматоха и нервотрепка воцарилась бы в доме на рю Друо, а потом страшная весть дошла бы до издательства «Глобус»... Оно лишилось бы одного из своих самых замечательных авторов...

А может, и не столь уж велика потеря, если судить по статье чертовой метрессы, которая писала о псевдописательском планктоне и разных прочих Дмитриевых!

Окончательно решить вопрос, огорчится ли издательство «Глобус», получив известие о гибели писательницы Дмитриевой, она писательница не успела, потому что за ее спиной раздался резкий, неприязненный голос:

– Прошу прощения, мадам, не могли бы вы объяснить, отчего вас так интересуется это событие?

Алёна обернулась и увидела в дверях отеля «Bon chance» не кого иного, как испанца в синих ушках.

Впрочем, на сей раз он был без ушек – то есть при своих, прирожденных, так сказать, он остался, конечно (и надо сказать, они имели неприятно-заостренную форму, несколько напоминая волчьи), а синих пуховичков на нем не оказалось:

может, оттого, что мороз изрядно спал. И вообще, вид у него был иной: короткая кожаная куртка с вязаным воротником, из которого виден ворот черной же водолазки. На сей раз никакого шарфа то ли из «Burberry» за 50 евро, то ли с лотка уличного торговца сувенирами за пять евро, и точеный нос теперь не красный... Ну точно, потеплело!

Вот только темные глаза его были холодны, как целая тонна льда, и Алёну пробрал озноб.

– Бонжур, – пробормотала она, чувствуя себя преглупо. – Вы, наверное, считаете, что я круглая дура, но я, честно, вчера просто не поняла, как вы мне дорогу объяснили, в смысле, сразу забыла, что вы говорили. Вы, наверное, подумали, что я идиотка, а может, вы ничего не подумали. В смысле, у меня вообще топографический кретинизм, а в школе по спортивному ориентированию двойка была...

И она прикусила язык, сообразив, что такое совковое понятие, как спортивное ориентирование, вряд ли может быть знакомо французику новейшей формации.

– Извините, мадам, – проговорил испанец... Теперь, заметьте, вот так просто – мадам, весомо, грубо, зримо, без всяких там попыток галантности, без всяких мадемуазелей. – Мне необходимо с вами побеседовать. Полицейский агент Диего Малгастадор.

«Ажан Диего Малгастадор», – так это звучало по-французски, и звучало, прямо скажем, приятно-волнующе, однако сейчас Алёна никакого удовольствия, верите ли, не ощу-

щала.

«Ажан» махнул не то жетоном, не то удостоверением, ошарашенная Алёна толком не разглядела, и припечатал:
– Прошу вас пройти со мной.

И, придерживая жертву под локоток – отнюдь, заметим себе, тоже не из галантных побуждений, а чтобы не сбежала, – весьма настойчиво повлек нашу героиню в отель.

Алёна была в таком шоке, что покорно повлеклась – и одна только мысль промелькнула в ее опустевшей от изумления голове: «А ведь он и в самом деле испанец! Тот таксист угадал!»

Портье расплылся в дежурной улыбке и сунулся было из-за стойки – встречать новых постояльцев, – однако при виде Диего улыбка немедленно слиняла и физиономия приняла уныло-деловитый вид. Похоже, полицейские агенты – Алёне сразу бросились в глаза несколько молодых людей с хищными, ощупывающими, выслеживающими и выведывающими, словно бы даже *вынюхивающими* глазами, совершенно как у Диего... Такие миноискатели ходячие, понимаете? – изрядно осложнили жизнь этого небольшого уютного отельчика и порядком утомили его обитателей, а уж персонал – точно. Стоило Диего бросить один взгляд на портье, как тот истоиво закивал и распахнул маленькую дверку рядом со своей конторкой. Диего чуть подтолкнул Алёну, и они оказались в тесной комнатушке. Дверь, в которую они вошли, испанец немедленно запер на ключ, оставшийся торчать в замке, и

так же поступил с другой дверью – комнатка оказалась проходной. Здесь стояли стол, стул и, извините за выражение, канапе – самое настоящее, в стиле рококо, обитое зеленым трипом! При виде канапе, а особенно в тот момент, когда ей было жестом предложено сесть на него, Алёна мгновенно пришла в антикварный восторг и испытала одно желание – посидеть на нем. И еще она пожалела, что в квартире Мориса и Марины, этой «лавке древностей», явно не хватает такой пикантной изящной штучки!

Впрочем, этот восторг немедленно улетучился, когда Диего Малгастадор проговорил:

– Прошу вас предъявить документы. Паспорт, права – что угодно.

– Но что, но почему, но у меня нет времени, да я вообще иностранка... – беспомощно залопотала Алёна, покорно открывая сумку и перетряхивая ее.

Паспорт она оставила дома, прав у нее отродясь не было, потому что она не водила машину. Диего внимательно смотрел в недра обширной Алёниной сумки и мог видеть, что она не врет. Она демонстративно открыла перед ним косметичку, кошелек, выпотрошила внутренние и внешние карманы. На одноразовые платки, ключи и мобильный телефон он внимания не обратил, но сделал стойку при виде желтого узкого бумажного прямоугольничка с изображением двух танцующих фигурок и надписью «*Milonga «Retro Dancing»*».

– Откуда это у вас? – Диего выхватил билет из кучки.

– Это билет на милонгу, – гордо сказала Алёна. Надо сказать, что все, кто танцует аргентинское танго, ощущают себя возвышающимися над остальным человечеством как минимум на голову и поглядывают на прочих весьма покровительственно. – Вы знаете, что такое милонга?

– Конечно, знаю, – проговорил Диего. – Это вечеринка, где танцуют только аргентинское танго.

– Ну, тогда вы должны понимать, что танцующему человеку иметь при себе билет – самое обычное дело.

– Конечно, – кивнул Диего. – Но знаете, хоть я и не танцую аргентинское танго, у меня есть аналогичный. Правда, не мой. Взгляните.

И он протянул нашей героине точно такой же бумажный прямоугольник, правда, кроме печатного текста «*Milonga «Retro Dancing»*», на нем было еще написано от руки – *Canavin*, и стояла какая-то странная закорючка.

– Канавин? – прочитала Алёна. – А это кто?

– Я бы тоже хотел знать, кто такой Канавэн, – проговорил Диего, глядя на нее испытующе.

Алёна вспомнила, где находится. Окончания *in* французами произносятся как *эн*, например, Пьер Карден, хотя он Pierre Cardin, Реми Мартен, хотя коньяк называется «Remy Martin», ну и так далее. Канавэн, значит... Ее что-то беспокоило, она не могла понять, что именно. Может, пристальный взгляд Диего?

– А почему вы так на меня смотрите с подозрением? –

спросила Алёна вызывающе.

– Потому что этот билет был найден там, где застрелили двоих. Потому что у вас есть такой же билет. Потому что вы интересовались человеком, которого вчера застрелили. Потому что вчера ваша серая шубка попадалась мне на глаза в тех местах, где...

Он осекся, потому что в запертую дверь кто-то начал с силой стучать.

– Merde, – пробормотал Диего. – Момент.

Агент Малгастадор отошел к двери, открыл ее. Мелькнуло встревоженное лицо портье, он что-то прошептал. Диего снова ругнулся, вынул ключ из замка и вышел, бросив:

– Я сейчас вернусь, извините.

И запер дверь.

Алёна посмотрел ему вслед, потом перевела задумчивый взгляд на два билетика, лежащие на столе. Подошла, взяла свой – без корявой надписи, сунула его в сумку, шагнула ко второй двери, ключ от которой по-прежнему торчал в замке, и отомкнула ее. Перед ней оказался короткий и узкий коридор с дверью в конце и надписью над ней: «*Sortie*». Это слово имело замечательное значение – выход.

В метро такие надписи мелькают тут и там. И в аэропорте...

Впервые в жизни Алёна порадовалась, что скоро уезжает из Парижа!

Не раздумывая, она выдернула ключ из замка и заперла

дверь со стороны коридора, оставив ключ в ней. И ринулась к выходу, стараясь не думать, что будет, если окажется заперто. Так и есть!.. Ф-фу, всего лишь задвижка. Легкое движение – и Алёна вырвалась на какую-то узкую улочку, по которой поспешно пошла до поворота, потом снова повернула, и снова, и снова... Она шла куда глаза глядят, не разбирая дороги, понимая, что может заблудиться, но думая только о том, как бы оказаться как можно дальше от опасного места. Вдруг перед ней открылась площадь Мадлен со знаменитой церковью.

– В поле бес нас водит, видно, да кружит по сторонам! – пробормотала Алёна, делая знак проплывающему мимо такси, и велела везти себя на рю Друо.

У нее оставалось время дойти до Танечкиной эколь матернэль пешком, но она не хотела рисковать, убедившись за последние два дня, что такое неконтролируемая случайность! Смугло-бледный Диего Малгастадор слишком часто попадался на ее пути, и если против встречи с ним как с крайне, ну очень, ну просто весьма симпатичным мужчиной она ничего против не имела, то в качестве полицейского агента он ей нравился значительно меньше. То есть, положив руку на сердце, совершенно не нравился! Век бы его не видеть!

Но у Диего профессиональный, цепкий взгляд, он запомнил Алёнину серую шубку, и, разумеется, не только шубку. Все-таки она дама приметная. В этом большое достоинство ее внешности – и главный недостаток. С агента Малгастадо-

ра запросто станется сделать Алёнин фоторобот и разослать по всем отделениям полиции, раздать всем агентам, отправить на вокзалы и в аэропорты...

Алёну начала бить дрожь, когда она представила, как завтра вечером подаст паспорт на пограничном контроле, а пограничник достанет из стола листовку с дурацким, но все же очень похожим изображением ее физиономии (нет, скорее всего изображение выдаст ему компьютер!) – и скажет, пристально вглядываясь то в лицо Алёны, то в ее паспорт:

– Извините, мадам Я-рюч-кин, не соблаговолите ли вы пройти на минуточку вон туда?

И ее отведут в кабинет, и навстречу выйдет смугло-бледный и беспощадный Диего Малгастадор... и загребет мадам Ярючкин в лапы французского правосудия отнюдь не на минуточку!

Впрочем, подумала Алёна, высаживаясь из такси, такую расторопность служители порядка проявляют только в дамских детективах, которые в изобилии сочиняет так называемый псевдописательский планктон, а наяву все сложнее и медленней. Фоторобот в аэропорту – это, конечно, но не сейчас. А вот случайные встречи сбрасывать со счетов не стоит. Полагаться на авось не следует. Береженого Бог бережет. Следует использовать самые элементарные средства защиты, прежде всего – изменить имидж.

Алёна отлично помнила, до какой степени неузнаваемости меняла ее зализанная прическа. Без кудряшек она просто

другой человек! Значит, нужно изменить прическу, а еще – избавиться от серой шубки. В России она, конечно, пригодится, но в Париже – безнадежно скомпрометирована. Нужно срочно купить куртку, все равно скоро весна, нужна новая приличная куртка, наша-то совсем раскололась, в смысле, обносилась, как старухино корыто. Но до того, как появится новая... в этой из дому ни ногой!

Едва войдя в квартиру, Алёна достала из шкафа старую-престарую Маринину кожаную куртку, в которой она иногда ходила за продуктами на рынок. Дальше пошла в ванную – менять внешность.

Раздался звонок. Алёну на миг бросило в жар от ужаса – а вдруг пронырливый Диего с его проницательными глазами умудрился вывести номер ее мобильного?! – но на дисплее высветилось имя *Марина*.

– Привет, – сказала она таким веселым голосом, что у Алёны мигом полегчало на душе. Ну что за чудный голосок у ее молоденькой подружки, услышишь – и сразу все неприятности тускнеют и вообще отступают! – Что делает нянька?

– Нянька готовится заступать на вахту, – сказала Алёна. – Зашла домой переодеться, что-то мне жарко стало, можно, я твою старую куртку надену? И вообще я бы новую купила...

– Жарко? – ужасно удивилась Марина. – Да-а-а? Ну, если жарко, надевай, конечно, само собой. Кстати о куртках. Морис звонил, он уже в четыре будет дома, сказал, что заберет девок сам и сходит с ними на вторую часть «Артура», он им

обещал. В кино и поедят. Так что у нас свободен вечер. Я хотела в «Галери Лафайет» показать тебе одно пальто... Это просто с ума сойти, что такое, но цена соответствующая. А ты посмотришь себе куртку. Поесть зайдем в плохое место, давно там не были.

«Плохим местом» в этой семье назывался МакДоналдс. Морис, рафинированный эстет и поборник здорового питания, презирал эти кафе так, как американскую еду и американский образ жизни могут презирать только французы. В послевоенные годы Франция отдала Штатам непомерно большую дань любви и уважения (ну, было за что, помогли не только от фашистов освободиться, но и от «коммунистической заразы», поразившей половину Европы, защитили!), вплоть до того, что национальная гордость, чудесный рок-певец, забыл данное ему матушкой-француженской имя Жан-Филипп Смет и начал зваться Джонни Холлидей, Johnny Hallyday... Кстати, французы произносят его имя как Жонни Олидей, но не в том суть. Морис запрещал своей семье ходить в МакДоналдс, а Марина, год проучившаяся в Америке и питавшая к биг-макам нежные ностальгические чувства, все же иногда прорывалась туда в сопровождении девчонок, эти чувства, так сказать, унаследовавших. Марина была барышня разумная и демарши совершала не часто, отчего запретный плод становился еще более сладок. Алёна, прямо скажем, тоже не питала к МакДоналдсу особого презрения – ну хотя бы потому, что бывала там «раз в год или

два года», как некогда выразился поэт Михаил Кузмин.

Итак, дамы сговорились совершить небольшой шопинг и похулиганить, и Марина положила трубку. Алёна некоторое время постояла в ванной перед зеркалом, совершая некие манипуляции с гелем для волос, заколками и алой помадой, потом надела Маринину куртку, обмотала шею Марининым же шарфом и отправилась за девицами. Результат ее стараний не замедлил себя явить. Франсуаза, воспитательница Танечки, еще утром чрезвычайно любезная с Алёной, сейчас воззрилась на нее подозрительно и не сразу выдала ей ребенка, а сама Танечка заставила Алёну присесть на корточки, потрогала ее прилизанную голову и грустно спросила:

– А где кудряшки?

Всю дорогу до Лизочкиной эколь пример Алёна рассказывала какую-то сказку про кудряшки, которые устали завиваться и легли отдохнуть, а потом пришлось выдержать недоверчивый взгляд Лизочки, которая Алёну признала только потому, что рядом стояла и хихикала Танечка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.